

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Виталий
БАШУН

ЗВЕЗДЫ
КНЯЗЯ

Виталий Башун

Звезды князя

Серия «Звезда конструктора», книга 2

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6561915
Виталий Башун. Звезды князя : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68286-7

Аннотация

Для Гаррада зи Сонтеза, обедневшего Бахрийского князя, спасение девушек от неминуемой гибели – дело привычное. Вопрос в том, что после этого каждая норовит стать его законной супругой. Гаррад, в общем-то, и не отказывается, но... у него хватает и других проблем. Одна из них – поиск приличной работы. Попробуй прокорми такую ораву законных жен... Ну и вскоре подвернулась работенка. Да не где-нибудь, а в императорском дворце! Работа, конечно, пыльная и не творческая. Охота дипломированному магу-конструктору возиться с ветхими, требующими частого ремонта артефактами? Однако чего не сделаешь для любимых женщин! Тем более – в непосредственной близости от императорского трона. А какой князь не мечтает стать... Ну вы поняли!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	56
Глава 4	72
Глава 5	99
Глава 6	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Виталий Башун

Звезды князя

Глава 1

Первое время после выхода из ресторана с головой у меня явно было не все в порядке. Я брел куда глаза глядят, а глядели они у меня куда-то сквозь пространство и время, но никак не на дорогу. В памяти периодически всплывал образ Любовары. Ее лицо, особенно глаза, полные муки и презрения, словно яркий, болезненно живой рисунок на мутном стекле, затмевали окружающую архитектурную и природную экзотику чужой страны. Для меня в тот момент пейзаж варварской столицы был не более чем блеклым фоном моего мрачного настроения. Фоном унылым, безрадостным и малоинтересным.

Вот и пообедали, потянули время перед расставанием! Я догадываюсь, что могла наговорить Любоваре та эльфийка, которая вслед за девушкой пошла в дамскую комнату. Наверняка в самых уничижительных выражениях описала мою помолвку с Альмилирой. Этот эльфийский ритуал оставляет своеобразную метку в ауре мужчины, сигналижая каждой встречной-поперечной эльфийке о том, что данный самец уже занят. Купэнкабэш – башкасекир! Пометили, словно

столбик на собачьей территории. Соответственно, если я не с невестой, то, значит, гуляю, и каждая эльфийка считает своим долгом поскорее вернуть блудного жениха владелице, в первую очередь отвадив его спутницу и возможную любовницу.

Если бы не попытка вразумления с помощью охранников наглого смерда, втершегося в доверие наивной девушке, я, может быть, попытался бы догнать Любовару, объяснить ей... А что объяснять? Кто такая Альмилира и что нас с нею связывает? Так это долгая история, и не все в ней можно открывать даже близким людям.

Допустим, есть некий князь, который в возрасте десяти лет вместе с матерью и младшей сестренкой после странной гибели отца при взрыве лаборатории, где тот проводил свои магические эксперименты, оказался совершенно без средств к существованию. Кредиторы постарались. Налетели стервятники и даже мебели в доме не оставили. Забрали бы и дом, но он вместе с княжеством уже был заложен в банке с отсрочкой выплаты на пятнадцать лет.

Слуги плакали, провожая князя в дальний путь, и обещали присмотреть за домом в надежде, что его семья еще вернется.

Мать приняла решение уехать как можно дальше от княжества, где слишком многое напоминало о любимом муже, и никому не говорить про свое княжеское достоинство.

Князя, разумеется, воспитывали как истинного аристократа, но в то же время быстро избавили от высокомерия и спеси.

– Эй, князь-князь! С горшка-то слазь, – ироничный голос заставил маленького наследника отвернуться от группы сверстников, перед которой он гордо пыжился, и подойти к отцу.

– С какого горшка? – с искренним недоумением спросил семилетний повелитель дворовых ребятишек.

– С такого, на котором ты изо всех сил зачем-то тужишься. Гляди, вот-вот глаза из орбит выпрыгнут. Ты для этого нос в небо задрал, чтобы не дать им на землю упасть? Запомни, княжич, тот, кто вынужден кричать о том, что он – князь, уже никакой не князь. Разве что формально. Люди и сами видят, кто истинный дворянин, а кто – мелкое, ничтожное существо, которое еще не на дне только потому, что... э-э-э... ну не важно. Бумаги о дворянстве такого на плаву держат. Посмотри на свою маму, княжич. Ее даже пройдоха управляющий уважает за твердую руку, за хозяйскую сметку, за умное управление княжеством. А главное, ей никому не приходится криком доказывать, что она княгиня. Достаточно голос услышать и в глаза взглянуть. Так-то, сынок. Давай учись хорошо, подмечай и примерам достойным следуй.

Подобное воспитание позволило князю быстро адаптироваться в среде сверстников в чужом городе. Там до сих пор никто не знает, что он князь, а его мать и сестренка настоя-

щие княгини.

Потом годы напряженной учебы (благо способности к магии оказались очень хорошими), работы и помощи матери по хозяйству. Диплом, к сожалению, князь получил не самый лучший, даже, можно сказать, один из худших. Да и какой он мог быть, если парня завалили заказами на курсовые и дипломные работы. На свои уже и времени не хватало. Отсюда и работа после училища для него нашлась не очень интересная и малооплачиваемая – поддерживать ветхие магеми в старом дворце. Там-то он и познакомился с Альмилирой. Дальше все как в дешевой мелодраме. Почти три года он и не подозревал, что Альмилира – девушка, принимая ее за парня эльфа, да еще с вредным характером. И как тут распознаешь, когда постоянно занят делом, а видел он ее только в лаборатории в рабочей одежде – огнеупорные и противокислотные штаны, рубаха и шапочка. А эльфы – они все смазливые. Любого их мужчину можно за девушку принять и огрести по полной от оскорбленного представителя сильного пола.

Альмилира и затащила князя в старые подземные лабиринты, где некогда располагался старинный Храм Силы, куда нормальные люди уже сотни лет по доброй воле не заглядывали. Там князь спас ее от смертельной ловушки, невольно стал Верховным Жрецом Храма Силы, познакомился с двумя «очаровательными привидениями» и узнал, что Альмилира – девушка. А когда им удалось оттуда выбраться, они

встретились с разъяренной мамашей Альмилиры, грозной эльфийкой, герцогиней и руководительницей Тайной Стражи королевства. Вроде бы спасая князя от гнева своей ма-тушки, Альмилира и провела тот самый эльфийский ритуал помолвки, из-за которого Гаррад теперь и огребает полной мерой.

Понимая, что, не взяв за жабры сразу, его все равно в по-кое не оставят, он вынужден был тайно бежать из дворца и долгие годы скрываться у гоблина-ювелира. Тем не менее «сколь веревочке ни виться, а конец будет». Его прихватили сотрудники тайной стражи (так во всяком случае представи-лись), привели к некоему полковнику, который потребовал помочь в деле разоблачения шпионов Градорики. Дело ока-залось весьма тухлым. Князь почти случайно узнал о пла-нах группы, которой помог проникнуть в дом градорикан-ского купца, минуя магические ловушки. Согласно задумке стражников (Да каких стражников? Бандитов!!), тело Гар-рада должны были найти на мертвой боярышне Любоваре, якобы он ее насиловал. Князю пришлось поубивать всех, с кем пришел, и тайно выводить Любовару на родину.

Дошел. Привел. Расстались. Вот так вот странно. Можно ли в данном случае сказать «Была без радости любовь – раз-лука будет без печали»? Наверное, можно. Но на сердце все равно муторно.

Если хорошенько подумать, то не могу я обо всем этом рассказать Любоваре, а недоговоренность она не примет. Бу-

дет только хуже...

...В чувство меня привел возмущенный женский возглас на гоблинском:

– Да что же это происходит с полукровкой?! Стоит и плянется! Су-у-ударь! Вы хотели постричься?!

Затем тот же вопрос, многократно повторенный, но уже на градориканском.

– А? Что? Что вы сказали? Какой полукровка? – машинально переспросил я на гоблинском, всплывая на поверхность реальности.

Оказывается, я дошел-таки до точки. То есть дальше по прямой идти было некуда – тупик. Дорогу преградило невысокое, чистенькое и опрятное строение с большими окнами и вывеской, на которой красовались ножницы над лохматой головой. Моего внимания усиленно и, вероятно, довольно долго, судя по рассерженному выражению лица, пыталась добиться гоблинка средних лет в белоснежном халатике и сандалиях на босу ногу. Еще две ее товарки помоложе, улыбаясь во весь рот, выглядывали из дверей.

– Почему ты стесняешься? Здесь не Гоблери – к полукровкам относятся нормально. Как к своим. Нас и так мало, чтобы еще считаться с чистотой расы. Сразу видно, ты – наш. Небось отец был человеком?

Видимо, моя одежда, стрижка и характерные для гоблинов жесты, которых я поднахватался в семье ювелира-хранителя, позволили этой женщине сделать определенные выво-

ды, а я и не пытался ее разубеждать. Она мне сразу понравилась, да и в ауре, кроме доброжелательного интереса и легкой симпатии, ничего угрожающего или отталкивающего не было заметно. Остатки тревожных тонов раздражения стремительно рассеивались и вскоре совершенно исчезли.

Между тем разговорчивая гоблинка продолжала свой монолог, перескакивая с одной темы на другую:

– Ты наверняка недавно приехал из Гоблери и не понимаешь по-градорикански. Сама первые дни, как приехали в эту страну, терялась. Хорошо, маленькая тогда была и многого не понимала. Но как же трудно было моим родителям! Они ведь тоже не понимали. По-местному. Прямо беда с этими людьми – что ни государство, то свой язык, будто им одного мало. Жадные они – эти люди. Я не про твоего отца. Он наверняка очень достойный человек. И как только тебя одного отпустил? Нет-нет. Здесь и правда лучше живется, и тебе тоже пора уже самостоятельным стать. Нечего на шее родительской до старости сидеть! Ладно. Не смущайся. У нас и полукровкам рады. Свои как-никак. А то, понимаете ли, стоит, глаза выпучил, смотрит и молчит. Не знает, как спросить. Спросил бы сразу: «Где тут парикмахерская тетушки Линь?» – тебе любой мальчишка показал бы. Ах да, ты же местный язык не знаешь! Давай-давай, заходи. Надо убрать этот провинциальный вид, а то уже и на порядочного гоблина мало похож, так и будешь ходить – не то человек, не то гоблин, не то не пойми что. Свои не признают, а чужие отвергнут.

Мы тебя за полцены пострижем, побреем и массаж сделаем. Только ты расскажи, как там на родине, а то мы давно живых вестей не слышали.

– Ну я могу и полную стоимость заплатить. Мне... это... рассказывать почти нечего. – А что я мог рассказать, если в Гоблери никогда не был? – Я полгода прожил в Вильдории у дядюшки... э-э-э... – чуть не проговорился и постарался побыстрее исправиться, – у троюродного дяди жены двоюродного брата моей тети.

– Жа-а-аль. То есть не то что у дяди жены брата твоей тети, а что новостей не знаешь. Но все равно заходи. Расскажешь о Вильдории.

Меня буквально на руках затащили внутрь, усадили в удобное кресло, накинули простыню и защелкали ножницами, засыпая вопросами и тут же вываливая на мою голову, стремительно теряющую волосы, местные сплетни:

– Как там наши живут? Не притесняют? Говорят, там неплохо, но у нас лучше. Градориканцы очень терпимо относятся к разным расам, хотя, конечно, больших постов у них трудно добиться, но все же – возможно. Вон у боярина Валлского, например, управляющий хозяйством – эльф. Правда, говорят, что им самим управляет его жена, так что непонятно, кто на самом деле управляет хозяйством у Валлского. Ох уж эти эльфы! Так-то ребята ничего, но почему ихние мужики позволяют собой помыкать?! Попробовала бы я влезть в дела мужа! Моментом заполучила бы веселый вид.

Да кто бы ни был, лишь бы дело делалось, да прибыль шел. А капитан дружины у Закраевского – чистокровный орк. Так что для умного гоблина всегда место найдется. Только шевелиться надо. Вон в той же Вильдории, говорят, клан старого ювелира так приподнялся, так приподнялся!.. Он и так неплохо там устроился, а потом будто бы с помощью своей внучки-умницы, которую очень любит и которая для него с ходу определяет, с кем стоит иметь дело, а с кем нет, нашел искусного мага, а уже тот придумал для него множество разных полезных вещей. Амулет чистки, стиральный бак... Ах! Один стиральный бак, говорят, такие доходы приносит, что можно всю жизнь, как мышь в сырной лавке, прожить. Или кот у молочника. Эти баки наши в Гоблери делают, а потом продают по всему миру. Но мало. Говорят, делают все больше, а все равно не хватает. Ах, нам бы такой бак! Представляешь, сколько стирки в приличной парикмахерской?! Тебе очень повезло, что ты к нам попал. Прошел бы чуть дальше, так у этой дуры ФунВыньАнь белье стирают только после десятого клиента! Сам небось понимаешь, какая там грязь! Но на всех не хватает. А? Что? Нет, не грязи, конечно. Ха-ха. Тоже сказал. Стиральных баков! Купцы записывают желающих в очередь. А цены та-а-а-кие загибают! Нам-то самим стирать некогда, а прачки столько запрашивают... но мы считаем, что чистота – это главное...

Под непрерывное щебетание тетушки Линь я немного успокоился и уже с любопытством стал поглядывать в окно.

В перспективе был виден короткий тупик, куда я случайно забрел, мощенная булыжником дорога и деревянные аккуратные двухэтажные дома по сторонам. Каждый был снабжен высоким крыльцом и резными перилами, и почти на всех висели те или иные вывески: шляпы, штаны, бублик. Кругом чистота и порядок. На первый взгляд столица варваров производила приятное впечатление. Взгляд был на самом деле первым, поскольку только сейчас я стал смотреть на город, а не на Любовару или ее печальный образ в голове.

Мое внимание привлекло появление на перекрестке трех людей в форменной одежде боярской дружины. Двое рядовых и... знакомый мне сержант. Именно он расплачивался в ресторанчике по приказу Любовары, от него я получил деньги и многообещающий взгляд.

Нет. Ужасно романтичных и гордых жестов, наподобие: уйти не оглядываясь, оставив деньги на столе, или демонстративно отдать их халдеям, или резким движением, гордо задрав нос, смести со стола на пол... или еще какой чуши, я делать не стал. Сгрел и положил в карман. Слишком хорошо я знал, как трудно они достаются. Гордая боярыня, оказавшаяся всего лишь мелкой и неумной мстительницей, явно в жизни не заработала своим трудом ни одной медяшки. Она думала, что унизила меня своей выходкой. Ничего подобного! Себя она унизила! Поймет ли она когда-нибудь это? Надеюсь, но не уверен.

Как все-таки мелко с ее стороны натравливать на меня

своих слуг. Ведь явно меня ищут – тут и ауру разглядывать не надо. Напряженное внимание и пристальный взгляд по сторонам говорят лучше любых магических эманаций. Даже если не сама отправила слуг, а ее папаша или мамаша проявили инициативу – ничего это не меняет. Могла бы и остановить. А раз не остановила, значит, одобрила.

«Лепестки нежности осыпались жеваной бумагой в грязь, солнце любви, окрасив напоследок хмурые тучи обиды в кроваво-красный цвет, закатилось за горизонт, и тьма непонимания воцарилась между нами».

Можно и так выразиться, да не охота. Все проще. Сколько я навидался аристократок во дворце?! Были и умницы, и красавицы, и умные красавицы, и красивые умницы. Старинных и не очень родов. Кто-то из них нравился мне больше, кто-то меньше. Со всеми я расстался без сожалений и душевных терзаний. Мы получили друг от друга... или не получили, всякое бывало... то, что хотели, и разбежались. Любовара просто стала в один ряд с этими бывшими. Затерялась в толпе. И не более того... Во всяком случае, я надеюсь, что это так.

Чуткая гоблинка заметила мой напряженный взгляд в сторону троицы охранников и сделала, в общем-то, правильные выводы:

- Тебя, что? Уже ищут? И что ты успел натворить?
- Я... э-э-э... загляделся на красивую девушку...
- А она была боярышня, и ты не поклонился, охрана заме-

тила и решила тебя наказать за непочтительность, а ты убежал. Так ведь?

– А у вас обязательно надо кланяться боярам?

– На самом деле нет, но иногда попадаются спесивые. И даже не столько бояре, сколько их слуги. Правильно, что убежал. Могли и попинать. Но ты бы так и сказал, что не понимаешь по-местному... Ах! О чем я? Ты же не понимаешь...

– Мне что-то сердито говорили, но я не понял, – решил я поддержать версию парикмахерши, – тогда тот стражник рассердился, схватил меня за рукав, я его пнул и... убежал. Теперь, наверное, ищут.

– Не бойся. Сейчас мы тебе тончик положим для правильного цвета лица... Вот та-а-а-ак. Глаза немножко подведем... Ага. Готово! Настоящий красавчик. Прямо чистокровный гоблин. В тебе явно много от матери! Ну вот и все. С тебя семьдесят четыре медяка. Можно и вильдорскими. Они идут наравне с нашими.

Идеально постриженный и освеженный, я встал с кресла, посмотрел на себя в зеркало и увидел в нем типичного гоблина в простой, но добротной одежде. Рассчитавшись, я поблагодарил хозяйку, спросил, пользуясь случаем, дорогу до первого хранителя из трех, адреса которых дал мне дедушка У, и вышел из парикмахерской. Охранники к тому времени уже ушли.

Все-таки одежда может меня выдать – не местный покрой. Сержант, скорее всего, обрисовал своим подчиненным

в первую очередь именно одежду. Я зашел в ближайшую лавочку готового платья и после нескольких примерок купил себе одежду, соответствующую градориканским веяниям моды, каковые (веяния) примитивно слизал с приказчика-гоблина: узкие, но не стесняющие движения штаны, рубашку с широченными рукавами, довольно удобную, и жилетку со множеством карманов и карманчиков. На голову надел высокую кожаную шляпу с загнутыми полями и ремешком под подбородок. Приказчик оттопырил большой палец и одобрительно кивнул. По-моему, он был искренне горд результатом. Всегда приятно научить темного провинциала одеваться стильно. Особенно если стиль один в один совпадает с твоими собственными предпочтениями. За все про все я уплатил четырнадцать серебрушек и тридцать пять медяков – вот и пригодилась Любоварина подачка. Зато, если сержант спросит, ничего примечательного в этой лавочке не вспомнят.

За тетушку Линь я не переживал. Не похоже, чтобы она стала про меня болтать, особенно после того, как помогла мне немного изменить облик. В случае чего ее ведь и за соучастие привлечь могут. Впрочем, может быть, и простят, но все равно выхода у меня иного не было, как довериться этой женщине.

Руководствуясь маршрутом, подробно расписанным мне тетушкой Линь, я прошел пару перекрестков, сел на конку и с относительным комфортом за три медяка доехал до квар-

тала, где проживал первый из хранителей. Дедушка У предупредил, что семейство орков испокон веков проживает в доме, где есть вход в храм, поэтому лучше начать с него.

Сведения старого ювелира о количестве храмов в Градо-рике расходились с теми, что имел я, глядя на схему порталов. Скорее всего хранителям в отличие от жрецов не положено знать обо всех храмах. Да и, вполне вероятно, по-настоящему храмом мог считаться только тот, о котором знал ювелир, а остальные – запасными базами, хранилищами и тренировочными площадками. Кстати сказать, в вильдорском столичном лабиринте, проходя порталом в библиотеку, я ведь тоже не имел представления о ее географическом расположении. Она могла быть за ближайшей скалой, а могла – и на другом континенте. Отсюда возникает предположение – золото храма до сих пор не нашли просто потому, что не там ищут. Если моя гипотеза правильная, то его надо искать на одной из таких площадок, неизвестных хранителям. Простые искатели-жрецы знали не больше, поскольку доступ к порталам мог разрешить только Верховный жрец, а пока нет доступа, само существование порталов – секрет. Учитывая то, сколько веков прошло с последнего Верховного, который вполне мог и не доверять (или не успеть доверять) тайну порталов и хранилищ, единственным ее обладателем, выходит, стал теперь я.

По дороге порадовался своей предусмотрительности и выбору одежды – если не каждый второй, то уж точно каж-

дый третий мужчина среднего достатка щеголял в таком же самом наряде, который довольно прилично сидел на мне. Учитывая минимальную подгонку в условиях лавки готового платья.

Арбалетный квартал переживал не лучшие времена. Многие дома прямо кричали о необходимости капитального ремонта, оставшиеся – стыдливо прятали собственное убожество под поверхностным косметическим.

Когда-то арбалеты, от маленьких, скрытного ношения, до станковых, широко применялись в боевых действиях, но по мере развития магической науки, а главное технологии массового производства магических метателей, в основном шарометов различной мощности, арбалеты все больше становились охотничьим и коллекционным оружием. А таких много не требуется. Большинство мастеров, особенно тех, кто не смог вовремя перестроиться или просто научиться делать в первую очередь красивые и уже во вторую функциональные арбалеты, быстро разорились и перебивались случайными заработками. Грубые солдатские модели более не требовались никому. Одно время были попытки скрестить магию и механику воедино. То есть внедрять в наконечники арбалетных болтов магеми разрывного действия, и вроде неплохие результаты были в этом деле достигнуты, но дальность стрельбы, скорострельность и точность, даже при установке оптического прицела, заметно уступали стандартному шаромету. Не говоря уж о том, что выучить арбалетчика оказа-

лось гораздо сложнее, чем стрелка.

Вот в этом-то квартале и проживало семейство нужного мне орка. Как обстоят дела у него, я не знал, но в принципе был готов к тому, чтобы поддержать хранителя материально.

На двери нужного мне дома висела табличка с одним-единственным словом, но на градориканском. О чем она извещала, я не стал даже гадать. Спрошу у хозяев перед тем, как лопнуть от любопытства. На мой вежливый стук из-за двери что-то прорычали, и я вошел, посчитав рык за приглашение. Мне навстречу вышел здоровенный орк на две головы выше меня и с длинными ручищами толщиной в мою талию каждая.

– Вар-вар-вар-вар-вар-р-р-р!! – скорчил рожу хозяин в безуспешной попытке любезно улыбнуться. Получилось только хуже. Прямо захотелось отдать кошелек, штаны и шляпу. А еще проводить в банк, где снять со счета все свои деньги и передать их уважаемому ньору.

– Простите, не понимаю, – предельно вежливо ответил я по-вильдорски и тут же продублировал по-гоблински.

– Твоя. Приходить. Купить. Дом? – с трудом проговорил орк на гоблинском.

– Нет. Я ищу уважаемого Бардыка. Уважаемый ВанЧиньУ обещал известить его о моем появлении.

После моих слов условно любезная гримаса хозяина переросла в безусловно злобную.

– Жрец! Вон!! Ненавидеть! Жрец...

Эмоциональная речь орка сопровождалась прыжками, стучанием кулаками об пол, стены и потолок, взреыванием и рычанием. Из нее я понял, что отец хозяина дома, хранитель Бардык, недавно помер, но воспитать сына в духе почтения к клану хранителей храма так и не смог. Сыночек считал двадцать процентов, отчисляемых на нужды клана, натуральным грабежом и не мог смириться с подобным насилием над своим кошельком. Посему видал он этих жрецов! На ритуальном шаманском костре в запеченном виде. Мне предлагалось уносить свою гоблинскую задницу как можно быстрее, как можно дальше и не попадаться на глаза славному орку, который напрочь забудет всю свою доброту и не побрезгует приложить кулак к зеленоватой бестолковке, чтобы вогнать наглого недомерка в землю по самые уши.

Это он, между прочим, зря. На недомерка я совсем не обиделся... почти. Однако если он считает, что специальный сфокусированный удар гю-юрю не способен превратить его кишки в фарш, то очень глубоко ошибается. Очень глубоко! Прямо до полутора метров в землю. Или орков сжигают, а не закапывают в землю? Хотя откуда в степях дрова, чтобы сжигать? Точно! Насыпают симпатичный курганчик, и всего делов-то. Вместе с ним закапывают его любимого, а может, и единственного боевого ящера, оружие, хавчик и воду на дорогу и что-то там еще. Золотишко небось. Чтобы там, на пиру предков, было чем похвастаться.

Однако я слишком увлекся рассуждениями на тему по-

хороших обычаев орков и слишком долго пялюсь прямо в глаза хозяину дома, который по неизвестной причине поубавил пыл и завершил свой монолог с гораздо меньшим энтузиазмом. Я понял, что отвлекаю хозяина от продажи дома, поскольку он собрался уезжать отсюда в направлении, о котором он мне ни словом не обмолвится, дабы этот гнусный клан, вместе со всеми жрецами, больше его никогда не нашел.

Не желая и дальше раздражать «гостеприимного» хозяина, я поспешил раскланяться, но за дверь вышел нарочито медленно. К сожалению, осмотреть дом и хоть примерно оценить доступность входа в храм не удалось. Стоп! Орк что-то говорил о продаже. Значит, я смогу его купить. Или не смогу? Имеет ли право гражданин другой страны приобретать здесь недвижимость? Это надо уточнить как можно скорее. Поэтому следует поспешить и наведаться к другим хранителям. Ну не поумирали же они тут в массовом порядке в честь моего приезда...

Следующим по списку был человек, и проживал он сравнительно недалеко – всего-то полчаса быстрой ходьбы. Это если знать дорогу. Я, разумеется, не знал. Спрашивать у орка, мягко говоря, постеснялся... да пошел он, в конце концов, в свою степь! Я сделал прощ. Прошелся до остановки конки, понаблюдал за мальчишками, слоняющимися без дела, выделил паренька гоблина, аура которого мне понравилась, и предложил ему немного заработать. За восемь медя-

ков парнишка проводил меня к дому почтенного Годовара, получил плату, но уходить не спешил.

Дом на Сточной улице показался мне довольно убогим. Особняк орка, хоть и старый, явно простоит еще по крайней мере сто лет. Во всяком случае пол, стены и потолок никак не отреагировали на избиение кулаками хозяина. Здесь же даже чем-то родным повеяло. Нищетой и тяжким трудом обитателей. К сожалению, так и оказалось. На Годоваре гроздьями висели: дети, замотавшаяся в хлопотах жена и больная теща. Встретил он меня до крайности приветливо. Не знал, куда усадить и чем угостить. Однако, когда достал большую сковородку с жареной печенкой, я, посмотрев в глаза детей, решительно отказался от угощения. Оставив пару золотых под видом помощи клана, спросил дорогу к последнему хранителю и поспешил распрощаться. М-да. Жить в таких условиях я не побоюсь, но работать будет просто невозможно.

Мальчишка меня дождался. Я дал ему за терпение еще пять медяков и отпустил. Мне бы, конечно, не помешал проводник, но данный конкретный претендент слишком много будет знать о моих контактах. На всякий случай я решил подстраховаться, тем более что Годовар подробно описал путь в купеческий квартал и уверил – найти там нужного мне купца будет нетрудно.

В особняке купца второй гильдии, а по совместительству хранителя храма, Олевара, чопорный швейцар осведомился с совершенно каменным выражением лица: что мне угодно

и записан ли я на прием? Сначала он спросил у меня поградорикански, потом на гномьем, потом на эльфийском и только под конец на гоблинском. Змеюка. Это я так похож на все эти расы в порядке убывания сходства? Причем у меня и самого-то не хватит самомнения хоть на мгновение представить себя похожим на утонченно красивого эльфа.

– Я от ньюра ВанЧиньУ. Он должен был известить сударя Олевара о моем прибытии.

Видимо, соответствующие инструкции были даны заранее, потому что славный представитель породы лакеев все так же невозмутимо развернулся и предложил следовать за ним.

Работая во дворце, я заметил такую интересную вещь. Чем проще в обращении господин, тем напыщеннее и чванливее слуги. И наоборот. По первости, бывало даже, попадал впросак из-за незнания таких тонкостей. Порою разговоришься со слугой – простецкий малый, душа человек. Наверное, и господин такой же. А из апартаментов ка-а-а-а-к выплывает эдакое высокомерное чудо, носом потолок царапая, ка-а-а-ак обольет окрестности презрением... Так и хочется, жалея потолок, этот самый нос аккуратненько свернуть. Чтоб не царапал.

В действительности сам ньюр Олевар оказался достаточно прост в обращении, хотя, думаю, он, будучи купцом, должен уметь подстраиваться под любого собеседника.

– Ньюр Ра?! Если не ошибаюсь. – Получив подтверждение,

он предложил пройти в малый зал и отобедать с его семейством, но я предпочел сначала поговорить о делах, с чем он охотно согласился. — Уважаемый сударь ВанЧиньУ сообщил мне о вашем приезде по магической связи. Зная его как... э-э-э-э... весьма бережливого гоблина, могу сделать вывод, что ваш приезд очень важен. Для простого хранителя, жреца или тем более тайного инспектора вполне хватило бы бумаг с магической меткой клана. Стало быть вы, сударь, прибыли сюда по крайне важному и срочному делу.

— Добавлю — и тайному делу, — подтвердил я догадку хозяина.

— Вы можете располагать мною. Чем конкретно я мог бы помочь?

— Сначала ответьте, известно ли вам положение дел у других хранителей в вашем городе?

— Увы, да! Бардык умер, а его сынок, не успев похоронить отца, отказался от членства в клане. Здесь мы ничего не могли поделать. Разорение негативно сказалось на воспитании парня.

— Почему же клан не помог?!

Олевар внимательно посмотрел мне в глаза, видимо, прочитал в них только искренний интерес и никаких обвинений в свой адрес, поскольку ответил спокойно и весомо:

— Вы, сударь, хоть и жрец, но еще крайне молоды. Клан помогает своим всегда! Однако и висеть на шее тоже не позволяет. В свое время и Бардыку, и Годовару давались день-

ги. Предлагались советы опытных и знающих людей. Они не вняли. Решили, что умнее всех, – и вот результат. Бардык до последнего дня своей жизни делал арбалеты, несмотря на то что склад был уже давно завален готовой продукцией. Все верил, что маги с их, как он говорил, непотребными штучками сядут в лужу, а воины, наконец, поймут, что старый добрый арбалет никогда не подведет. Годовар оставляет детей полуголодными в надежде доделать свою магарету... Он вам не хвастался? Он уже который год строит магарету, которая сможет ездить... без магии. Представляете, что за монстр будет? Паровоз на улицах города. Грохот, лязг, пар, копоть! Но он упорствует и продолжает работы. Если бы не постоянная помощь клана, его дети уже давно были бы проданы в холопы какому-нибудь боярину.

Хм. Если Годовар действительно строит паровоз, то это мне неинтересно, а вот если нечто иное... Признаюсь, были и у меня мысли попробовать как-то улучшить двигатель магареты, чтобы запас хода был побольше, но я их пока отложил до лучших времен. Правда, я думал как раз о чисто магическом источнике энергии, да и в механике не очень силен.

– Хорошо. Я верю, что делается все возможное. Однако мне нужен дом Бардыка, но поскольку я не имею гражданства Градорики...

– Вам лично(!) нужен? – перебил меня Олевар.

– Нет. Кому он будет принадлежать, для меня не имеет значения. Главное, чтобы был свободный доступ ко входу в

храм.

– В этом направлении уже ведется работа.

– Тогда почему же дом еще не куплен? Нет денег?

– Деньги есть, только... вы хорошо разбираетесь в торговле?

– М-м, не очень, скажу честно.

– В таком случае предоставьте мне(!) возможность решить самому, когда и за какие деньги купить этот товар. Предвосхищая ваш вопрос, поясню: я жду, когда отпрыск Бардыка снизит цену до предела. Зачем покупать дорого, когда можно дешево? А он снизит непременно. По моим предположениям, максимум через недельку.

– А если кто-то купит этот дом раньше вас?

– Не купит. Мои люди следят за этим.

– Хм. Что-то не видел я ваших людей, когда заходил пообщаться с орком.

– И не должны были видеть. Вы ведь не покупали и не вели переговоры о покупке.

– Откуда вам это известно? Орк сообщил?

– Он, скажем так, несколько не в курсе того, что от его дома отворачивают нежелательных покупателей. Хоть интересующиеся все-таки были. Мои люди не впервые работают над подобными задачами и умеют быть незаметными для посторонних и княжеской стражи.

– Благодарю за подробные разъяснения. Где вы порекомендуете мне остановиться?

– Предлагаю в моем доме в качестве, допустим, моего партнера из Гоблери. Гостевых комнат у меня достаточно, а когда выкупим дом Бардыка, то можно будет переселиться и туда.

– Годится. Как вы намерены использовать дом в дальнейшем? Мне, как я уже говорил, он не нужен, и вам, судя по всему, тоже...

– Время от времени некоторым членам моих поисковых отрядов требуется отдых между рейдами. Местные расходятся по семьям, а иногородние пока живут в гостиницах, что не очень удобно. Дом Бардыка достаточно просторный с большим складом и мастерской. Мастерская таковой и останется, а склад мы переоборудуем под тренировочный зал. Присматривать за всем этим хозяйством будет Годовар. Я уже с ним договорился. Его семейству тоже найдется работа – готовить, стирать, убирать. Без дела не останутся, и без честно заработанных денег тоже.

– А нельзя ли чуть подробнее про поисковые отряды? – заинтересовался я.

Олевар не стал артачиться и таиться:

– Это не секрет. Многие и так знают. Я содержу несколько поисковых отрядов, которые проникают в аномальные зоны проклятых земель княжества Бахрийского. С моей стороны – снаряжение и компенсации родственникам в случае увечья или гибели члена отряда. С их стороны – добыча артефактов. За каждый я плачу хорошую и, главное, справедливую

премию.

– Однако наверняка в вольных отрядах доходы выше...

– Как сказать. У них то густо, то пусто. К тому же для семейных важно знать, что родные не останутся без компенсации, случись что. В вольных такого нет. Пропал и пропал. Редко, но бывает, когда выжившие соратники дают какие-нибудь деньги вдовам.

– Если можно, я бы хотел как-нибудь сходить в такой рейд.

– Почему же нет? Правда, новичков со стороны, без рекомендаций и знакомств, берут редко, но мне не откажут. Когда желаете сходить в рейд?

– Сначала мне надо попасть в храм, сделать кое-что. Потом подготовиться... В общем, думаю, через пару месяцев я буду готов.

– Хорошо. Так и решим. Ну а сейчас время обеда. Пойдемте, я познакомлю вас с моим семейством.

При выходе из кабинета к нам подскочил парень под руку с... эльфийкой.

– Папа! Мы с Оксанимой собрались за покупками к свадьбе, ты не дашь нам свою магарету? Она попросторнее.

– Хорошо. Берите. А как же обед?

– Мы потом. Или в городе перекусим.

Парочка исчезла так же стремительно, как появилась, но я успел заметить определенный интерес к своей персоне со стороны эльфийки. Она явно засекла метку и непременно растреплет о своем открытии другим эльфийкам. Вот же по-

везло мне так повезло! Редкость для эльфийки встретить подходящего партнера, к тому же не эльфа, а уж встретить еще одного меченого не эльфа и вовсе можно считать за чудо. Поэтому как бы ни было удобно пожить здесь, но придется искать иное пристанище.

– Извините, Олевар. К сожалению, мои планы изменились и я буду вынужден уйти. После обеда. Нам пока нежелательно видеться. Точнее, чтобы нас видели другие. В том числе и ваши домашние...

– Ты думаешь, невестка расскажет о тебе кому-нибудь? Но зачем ей? – догадался о моих сомнениях Олевар.

– Есть одно обстоятельство, которое, скажем так, делает меня не совсем обычным(!) вашим партнером.

– Что ж. Если так...

Олевар вернулся в кабинет и, не присаживаясь, что-то черкнул на листке бумаги.

– Прошу, – подал он мне записку. – Здесь, по адресу: Водяной переулок, восемнадцать, в доходном доме есть небольшая квартирка, о которой знают очень немногие. Передайте записку управдому, и он вас поселит. Можете жить, сколько понадобится. Там мы с вами и станем встречаться.

Я искренне поблагодарил Олевара и после очень вкусного обеда ушел устраиваться на новом месте.

«Здравствуй, мама!

Пишу тебе из славного города Либедь, столицы не менее славной Градорики. Город красив своеобразной

красотой. Дома в основном двух– и трехэтажные, все с высоким крыльцом. Так строят из-за снега, который зимой выпадает в больших количествах и может просто-напросто засыпать вход. Но летом здесь так же тепло, как в Вильдории.

Практика у меня проходит в целом хорошо, но не без сложностей. Встретила здесь подруг, и одна из них, представляешь, видела недавно моего знакомого, с которым мы вели совместные дела еще в Вильдории. Воистину мир тесен! Правда, знакомый так спешил, что даже адреса своего не оставил, но, я думаю, мы его непременно найдем и заставим отдать должок. Подруги обещали помочь.

А еще по городу ходят слухи, что боярышня Любовара чудом спаслась от лап грабителей и каким-то неведомым образом, якобы «эльфийской тропой», моментально перенеслась в Градорику. Ты не знаешь, что это за «эльфийские тропы»? Нам наставник ничего подобного не рассказывал.

Твоя любящая дочь...»

Глава 2

Квартирка на втором этаже доходного дома, которую мне предоставил Олевар, была небольшой и несколько не обжитой. Две комнаты, обставленные простой и функциональной мебелью: в спальне две кровати и столик между ними, в гостиной, под хрустальной люстрой с шестью магическими светильниками, стилизованными под свечи, большой овальный стол и шесть мягких стульев вокруг. Возле окна два мягких кресла, и над каждым свой магический светильник, конструктивно сочетающийся с люстрой. Кухня оборудована плитой и набором посуды. Туалет и душ сверкают чистотой.

Поскольку день был довольно напряженным, я быстро умылся, перекусил, разобрал первую попавшуюся кровать и нырнул под одеяло.

«Сплю на новом месте, приснишь жених невесте», – приговаривала моя сестренка, располагаясь на ночь всякий раз в другом углу нашей не очень-то обширной квартирки. Игра у нее была такая. Все ее подружки тринадцати-четырнадцати лет одно время увлекались эдаким способом прозреть будущее и с замиранием сердца увидеть своего суженого-ряженого. Потом долго щебетали, обсуждая сны и до визга споря, кто же из приснившихся мужчин есть тот самый единственный и неповторимый. Или, во всяком случае, – первый.

«Мужчинам, – сурово наставляла она меня, – следует го-

ворить по другому: «На новом месте сплю – приснишь невеста жениху!» Понял?»

Ох, как же она злилась, когда я отмахивался от их деревенско-бабушкиной «магии» и отказывался тащиться в другой угол вместе с тюфяком и одеялом.

Усмехнувшись воспоминаниям, я иронично (первый раз в жизни, честное слово) пробормотал сестренкину формулу и привычно вошел в легкий транс, настроившись на полноценный отдых. Проанализировал события дня, отметил ошибки и правильные действия, наметил планы на завтра и не стал препятствовать соскальзыванию в обычный сон.

Никакой невесты я, естественно, не увидел. Сон был вполне заурядный, даже рассказывать нечего – куски, фрагменты, непонятные разговоры. И на пятую ночь пребывания в гостеприимной квартирке Олевара все было спокойно.

Надо сказать, на улицу я практически не выходил. Продуктов на кухне в холодильном шкафу хватит на целый месяц, готовить я умею – не изыски ресторанные, но вкусно и питательно, так что светиться лишний раз надобности особой не было. Тем более, как я ни учил градориканский с помощью самых передовых методик, все равно практиковаться с незнакомыми людьми на уровне «моя твоя понимать нет» не очень хотелось. Помимо языка, за отсутствием под рукой мало-мальски приличной лаборатории, тренировал концентрацию ауры и даже достиг некоторых успехов в управлении предметами на расстоянии до двух метров. Правда, подта-

щить не очень толстую и тяжелую книгу стоило половины накопленной энергии не очень емкого кристалла.

А вот на шестую ночь, когда сознание стало погружаться в дрему, я вдруг... даже не услышал, а скорее почувствовал зов. Меня куда-то приглашали. Причем не грубо и нагло, а словно обратились с робкой просьбой прийти и поговорить. Я решил откликнуться, и тут же, словно только дожидаясь моего согласия, калейдоскоп осмысленных и не очень сонных сюжетов вдруг сменился небывало красивой картиной, трудно отличимой от реальности.

Я стоял на промежуточной террасе высокого холма, заросшего кустарником и полностью оплетенного вьющимися растениями с мелкими фиолетовыми цветами. Глубоко вниз, до самой серебристой ленты реки, спускались гигантскими ступенями еще несколько таких же террас. На противоположной стороне в небо вздымался точно такой же буйно-зеленый холм. Вместе холмы и река производили впечатление горного каньона или стадиона с непропорционально узкой ареной и великанскими скамьями. Солнечные лучи сзади, пробиваясь через сплетение веток, листьев и цветов, ласково грели мою кожу, а теплый ветерок освежал влагой реки и нес пряный, но не удушливый аромат.

Я был гол как... сокол. То есть абсолютно. Ни единой тряпочки на теле. Но чувство незащищенности возникало из-за полного отсутствия амулетов, с которыми я не привык расставаться даже в ванной. Хотя бы один са-а-а-амый ма-

ленький, са-а-а-амый слабенький, защитный амулетик где-нибудь затесался! Даже медного колечка, с помощью которого мне удалось убить одного из грабителей в доме бабушки У и с которым я никогда не расставался, словно с талисманом, приносящим удачу, и того на моем пальце не было. Как так можно жить?

Самое удивительное, что, несмотря на ощущение полной незащитности, мне было хорошо и спокойно. Так хорошо, как нигде и никогда я до этого себя не чувствовал.

– Здравствуй, Гаррад! – услышал я до боли знакомый мелодичный голос и только тогда заметил в двух шагах от меня так же, как я, полностью обнаженную Альмилиру.

Полулежа в траве на боку, она опиралась на локоть правой руки, в левой держала соломинку и, задумчиво покусывая ее, с интересом смотрела на меня.

– Не удивляйся, что сразу не заметил меня! Я же по большей части эльфийка, а мы в естественной среде обитания прятаться умеем.

– Ага. В противном случае популяция ушастых не смогла бы достичь такой численности, как сейчас.

– Да. Мы такие... животные. Нас веником под крыльцо не загонишь, – охотно поддержала девушка мой треп.

Мне было немного неловко под ее взглядом. Все же мы с ней ни разу. Ни-ни! Вот с теми, с кем мне уже доводилось делить постель, было бы проще, хотя казалось бы, что конструктивно нового можно увидеть у мужчины или жен-

щины. В принципе ничего. Разве что калибр моего... хм... инструмента тесного общения. Признаюсь, не из дальнобойных. Однако я уже вышел из того возраста, когда это до слез волнует. Главное ведь искусство! А его по этим размерам не определишь. Так же, как размером кисточки не измеришь талант художника.

Более сильный, нежели прежний, порыв ветра словно сдернул с девушки покров из теней листьев, и солнце ярким прожектором высветило соблазнительно прекрасную девичью фигуру. Мое тело, учитывая долгое воздержание, закономерно игнорировало панические команды мозга: «Фу! Место!! Лежать!!» – и мне пришлось резко присесть на корточки боком к эльфийке.

– Ты зря прячешь свою естественную реакцию. – Альмира не скрывала победной улыбки. – Скажу честно, хоть по мне и не видно так откровенно, но я тоже хочу тебя. Очень хочу. И даже не думаю о своем долге по продолжению рода, а, как говорят люди, просто по-бабьи хочу.

– Так ты для этого меня сюда пригласила? Так не терпится?!

– Да уж. Где уж нам уж выйти замуж? Нам уж замуж невтерпеж.

– Угу. Интересный у вас, эльфов, венчальный обряд. Во сне. Невесть где. Голыми и свободными, аки предки наши.

– Ну-у-у-у, когда предки людей висели на деревьях, зацепившись хвостами за ветки, эльфы уже имели продвинутую

культуру и искусство, поэтому советую относиться к нашим ритуалам соответственно. А если без треп... Да не закипай ты чайником на очаге! Не собиралась я оскорблять людей, тем более что сама имею немалую долю человеческой крови. Просто нам надо поговорить. Это крайне важно.

– Поговорить. А в трактире что, мы не наговорились? И тебе не кажется странным результат нашего разговора?

– Что в нем странного? Да, я многое переосмыслила после него, но и ты пойми меня...

– Прежде всего пойми меня ты! – почти грубо прервал я девушку. – Через не слишком продолжительное время после разговора, меня вдруг «вежливо» приглашают в ДОК¹, там делают предложение, от которого невозможно отказаться, включают в команду для участия в сомнительной акции, инструктируют и на объекте чуть не убивают. Теперь и не выяснишь – действительно планировали убить или только припугнуть, но ждать и надеяться на второе как-то совсем не хотелось. Запись, кстати, я тебе прислал. Понравилась? А вот теперь думаю – не было ли все случившееся со мной комбинацией твоей мамыши, а то и твоей тоже, чтобы я прибежал к вам весь в соплях и слезах прятаться за ваши юбки, дабы злые дяди из ДОК дитя не обидели? – Я говорил быстро и запальчиво, не давая себя перебить. – А Козельс, между прочим, не врал, когда предлагал защиту от тайной службы. Не знаю, что вы там про меня напридумывали, однако дыма без

¹ ДОК – Департамент охраны короны.

огня не бывает. Стало быть, есть от чего защищать, иначе не стал бы полковник так нагло врать. Не стал бы! Точно! Да и не врал он. Я бы заметил. Во всяком случае, он сам верил в то, что говорил. Искренне верил! Понимаешь?! Получается, тайная служба меня ловит неизвестно за что, теперь ДОК... Ну тот уже известно за что! А мне-то как дальше жить?! И о чем(!) с тобой после всего этого говорить? «Вернись, я все прощу»?

– Подожди, Рад! Поверь! Мы не имели никакого отношения к тому, что натворили в ДОК! Клянусь Великим Лесом!

К подобной клятве эльфы относятся очень трепетно и направо-налево ею не разбрасываются. Они скорее позволяют себя убить, чем ее нарушат.

– Потом, Рад, ты ошибаешься. ТС тебя не ловит. Это я тебя искала. Не более того. Ты же понимаешь, что если бы ТС и в самом деле тебя искала, то непременно нашла бы.

– Вот как? – Я не сдержал скепсиса. – А Силора? Будешь утверждать, что она студентка академии искусств? Погулять вышла и на меня наткнулась. «Ой, да тут какой-то мужчинка, который очень бы подошел некому капитану ТС Альмилире! А вдруг они еще и знакомы?!»

– Силора на тот момент была курсанткой профильного училища и получила учебное(!) задание найти человека по приметам. Всем выпускам в качестве дипломной работы дается подобное задание. В этот раз дали твои приметы. Ничего особенного. Пойми, Рад! ТС ты не нужен. Ты нужен мне,

и только мне.

– И мое княжество здесь ни при чем?

– Для меня – нет.

– А для твоей мамочки?

Альмилира, наклонив голову, молчала и выводила замысловатые узоры на траве многострадальной соломинкой.

– Ну что молчишь? Значит, я прав и твою маменьку интересует мое княжество. Может, и ДОК оно интересует, раз вы, как ты утверждаешь, не имеете к их действиям никакого отношения?

– Рад. Место, где мы с тобой разговариваем, особенное. Оглянись. Правда, красиво?

– Ты разговор в сторону не уводи...

– Я и не увожу, – мягко остановила меня Альмилира. – Я хочу кое-что для тебя прояснить. Здесь можно поговорить откровенно с человеком, с которым ты имеешь связь. Обряд с венком нас связал, поэтому наша встреча стала возможной. Но попасть сюда можно только самому. Без одежды и оружия. И... здесь невозможно солгать. Даже самому себе. Поэтому в том числе этот ритуал так редко используется.

– Ага. Значит, солгать нельзя, – тут же понял я то, что хотела поведать мне Альмилира, – но можно промолчать. Так?

– Да. Так.

– Но и в молчании можно найти ответ на свой вопрос. Отсюда вывод. Твою мамочку интересует мое княжество. Зачем? Предупреждаю. Если ты по-прежнему будешь молчать,

я просто уйду. Не вижу смысла торчать здесь и любоваться природой. Не скрою, действительно красивой.

– А где ты сейчас находишься?

– В столице Градорики Либеди на улице...

Вопрос был задан настолько равнодушно небрежным тоном, что я машинально чуть было не отбарабанил свой полный адрес, но вовремя заткнулся.

Альмилира грустно улыбнулась.

– Ну вот и ты молчишь. От меня требуешь откровенности, а сам?

– Для меня это вопрос выживания, а в моем вопросе что такого важного для выживания твоей матери или тебя?

– Хорошо, – внезапно решила девушка. – Я тебе отвечу. Моя мать, Варраика зи Ликель герцогиня Лихфас, помимо того, что является руководителем тайной службы, Великая Мать эльфийского Леса. И интересы Леса для нее крайне важны. С помощью нашего брака она хотела усилить влияние Леса, расширив его границы за счет Леса в твоём княжестве. Подожди! Не перебивай! Разумеется, чтобы включить его в состав существующего, надо сначала очистить от нечисти, и для этого она готова не пожалеть ни денег, ни своего влияния. Причем никакого вмешательства в управление княжеством не предполагалось с самого начала...

– Вот как? А как же ваши эльфийские законы? Я правлю княжеством, ты – мной, а тобой – твоя мать. Так, что ли? Именно об этом я тебе и говорил при нашей встрече.

Свое мнение я не изменил и повторю еще раз: не будет этого! Пусть у меня так и останется осколок княжества, но ничьей марионеткой, даже любимой девушки, я не буду ни-ко-гда!!

– Я знаю. Я много думала после нашей встречи. Действительно много. Для меня формально выйти замуж по человеческим законам, а подчиняться эльфийским – тоже неприемлемо. Я не смогу лгать своему мужу.

– Если не ошибаюсь, профессиональный сотрудник вашей службы должен уметь лгать с самым искренним видом.

– Но только не в этом месте. Здесь это невозможно. Не веришь? Попробуй.

Я и попробовал. Непреднамеренно. Всего лишь хотел ей сказать, дескать, верю-верю, хотя на самом деле, несмотря на то что ее аура подтверждала правдивость слов, я все-таки в глубине души не мог поверить Альмилире. И ничего-то у меня не получилось. Язык словно прилип к зубам и категорически отказывался ворочаться. Причем никакого воздействия со стороны на свою ауру я не заметил.

Аура! Вот именно что аура! Раньше я, скажем так, понимал ее кусками и обрывками. За деревьями не видел леса. В моей голове не складывалась целостная картина взаимодействия и взаимовлияния частей. И только в эту самую минуту я сообразил, что уж очень свободно читаю ауру девушки. Буквально влет. Будто наконец-то свершилось качественное изменение моего восприятия и понимания. Здесь явно не прошло даром наше общение с Лю, мои героические усилия

понять и почувствовать, что меняется в ауре в результате того или иного воздействия или повреждения тела. Да и то, что я постоянно волей-неволей вижу ауру каждого встречного-поперечного, тоже сказалось. Мозг не прекращал работу, совершенствуя навык жреца. Он подспудно сравнивал, анализировал, находил сходства и различия, строил образ ауры нормального человека (эльфа, орка, гоблина) в состоянии покоя, чтобы, ориентируясь на него, выявлять отклонения. Теперь же в этом странном сне аура девушки стала для меня удивительно прозрачной и понятной. Мне больше не требовалась длительная дешифровка, чтобы интерпретировать ту или иную цветовую окраску, структуру и особенности развития или деформаций разных участков, точнее, блоков, отвечающих за функционирование и взаимосвязь органов. В том числе и нервной сети, объединяющей и согласующей все системы организма.

Что самое удивительное – мне теперь стало кристально ясно, как маг концентрирует магию, строит из той же концентрированной магии структуры и затем наполняет их энергией действия. Чтобы не вдаваться в тонкости, скажу просто – у каждого человека есть нечто подобное миниатюрному концентратору магии. Тому самому, с которым я познакомился в храме. В отличие от храмового концентратора, в живом существе есть еще один дополнительный довесок, который, словно блок управления, заведует формированием магических структур и распределением сконцентрированной энер-

гии. Концентратор и блок управления так тесно сплетены, что оторвать их один от другого можно только чисто умозрительно, а действуют они как единое целое. У Альмилиры, например, такой концентратор был развит довольно слабо, но гораздо лучше, чем у основной массы населения, пренебрегающей целенаправленными тренировками, однако и ей далеко до преодоления барьера в восприятии энергий. Правда, если долго тренироваться, то можно достигнуть впечатляющих результатов, разве что... никому это теперь не нужно. Лично я тоже сомневаюсь: а нужно ли это мне? То есть, раз уж так сложилось, я буду продолжать развивать новые умения, но спрости подавляющее большинство магов – надо ли им десятилетиями тренироваться, чтобы научиться видеть одновременно в оптическом и магическом диапазонах, читать и понимать ауру людей? Уверен, все – может быть, за исключением эмпатов-целителей – скажут: «Нет! На кой мне это нужно? Какая будет польза? В смысле в денежном выражении».

Жрецы, похоже, нашли способ преодолеть барьер путем погружения более-менее подготовленных адептов в большой концентратор храма, пытаясь скачком перевести адепта на следующую ступень развития его внутреннего концентратора. Правда, думаю, самой важной частью предварительной подготовки была все-таки тренировка блока управления, поскольку, скорее всего, причиной гибели многих адептов стала неспособность справиться с резко усилившимся потоком

магической энергии. Внутренний концентратор по принципу подобия очень быстро приходил в соответствие с эталоном — храмовым концентратором — и начинал пропускать через блок управления на порядок больший, чем тот привык, поток магической энергии. Ее следовало быстро перенаправить или хотя бы заблокировать. Выход всего один — как можно быстрее подтянуть управление до уровня концентратора. Стресс и шок могут поспособствовать, а могут и... нет. В последнем случае — смерть или безумие.

Гю-юрю, кстати, специально была разработана для гармоничного развития адепта и подготовки его к предстоящему испытанию. Главное — тренировки самоконтроля, способности к быстрому, почти мгновенному, переключению внимания и умению держать в фокусе наблюдения как можно больше объектов.

Вспоминая встречи с людьми, я только сейчас убедился, что теперь для меня стали хрустально прозрачными почти все процессы, проистекающие в их аурах. В свое время я их просто запоминал не понимая, по привычке запоминать все необходимое для последующего анализа или тренировки. Как, например, запомнил в деталях ауру полковника Козельса. Убеждая Альмилиру в том, что полковник не лгал, я непроизвольно в данный момент основывался на результатах дешифровки его ауры, хотя во время самого разговора ориентировался на те навыки, которым нас обучили в актерской мастерской.

В общем, то ли стресс от разговора сказался, то ли эльфийская магия поспособствовала, то ли кризис назрел... не могу сказать.

– Что? Не получается? – съехидничала Альмилира. – Теперь веришь мне?

– Верю. Так что же тебе на самом деле от меня надо?

Девушка вздохнула, немного помолчала и стала говорить так, словно только что, здесь и сейчас, наконец-то разобралась в самой себе и это ее несказанно удивило:

– Когда я говорила тебе, что хочу... быть с тобой. Просто с тобой, как с человеком, а не князем, я не лгала. В первую очередь сама себе. И это для меня самой крайне удивительно. Да... – неуверенно продолжила она тише, говоря скорее для себя, чем для меня. – Действительно. Хочу! И хочу быть рядом. Хочу, чтобы ты смотрел на меня с любовью, с нежностью. Чтобы обнимал и целовал. Детей от тебя хочу. Заботиться о тебе хочу.

Я оторопел от потока откровенных слов, которые даже в воображении не мог себе представить.

– Альмилира! Очнись! Что с тобой?! Посмотри внимательно! Ты ни с кем меня не спутала? Я не утонченно изысканный эльф. Я даже по человеческим меркам далеко не красавец...

– Да мне плевать, – просто и без дипломатических изысков ответила Альмилира. – Я только что осознала, что... люблю тебя. Понимаешь? Люблю! Конкретного Гаррада, а не

абстрактного идеального партнера. Сколько раз я себе внушала, что моя свадьба это не более чем долг перед родом, но сейчас поняла, что лгала самой себе. А ты? Любишь?

И тут я со всей очевидностью понял, что тоже... не знаю, как назвать это чувство, может, и впрямь любовь, но как проверить – любовь или простое вожделение дурманит мне голову, заставляет страстно мечтать о том, чтобы обнять ее и слиться с нею в одно целое, чтобы никогда не разделяться. А ее взгляд? Взгляд любящей женщины. Он не может лгать! И это самое прекрасное на свете. Ради этого хочется совершать безумства, сворачивать горы и бросать под ноги любимой цветы... всей планеты.

Нет. Наверняка я чувствую по отношению к Альмилире нечто большее, чем простое физиологическое влечение и... да, пожалуй, хватит изворачиваться и пытаться за потоком псевдоумных слов скрыть правду от самого себя. Люблю!

– Не надо. Не говори! – Глаза девушки засияли искренней радостью. – Я все поняла.

А что же Любовара? Ведь я не сомневался в искренности собственных чувств к ней. Неужели возможно любить сразу двух... М-да. Если уж не лгать, то не лгать до конца. Возможно ли любить сразу трех(!) девушек? Как-то это все сложно. Неопределенно. И надежной формулы для вычисления нет под рукой... Вот же задачка с тремя неизвестными.

– Кх-м... – прокашлялся я, – ну, даже не знаю, что сказать. С одной стороны... эта... м-м-м-м... ты мне определен-

но нравишься, а с другой... Это, наверное, сложный ритуал и энергозатратный?

Знаю-знаю. Мы, мужчины, в подобных ситуациях чаще всего способны говорить исключительно банальности, а то и откровенные глупости. За ними мы прячем свое мальчишеское смущение. Пытаемся скрыть застенчивость и боязнь отказа. Тоже мне! Нашел самый животрепещущий вопрос эпохи. Вон он! Животрепещет... ниже талии. Однако Альмилира, улыбнувшись, ответила серьезно, но с долей лукавства:

– Да, Гаррад. Ты не потерял свою исследовательскую хватку. Все понял и по полочкам разложил. Так и есть. Знал бы ты, сколько гектаров великого леса отдали свои силы и сколько лет придется все восстанавливать после нашего разговора!

– И все ради того, чтобы перекинуться парой слов? Может, проще и дешевле было бы заказать разговор по магической связи?

Я был не только удивлен, но и встревожен. Для нашей встречи задействованы очень большие силы. Но с какой целью тратятся ресурсы? Не верю, что цель – просто поболтать и признаться друг другу в любви. Ну не вижу я приемлемого решения проблемы, как тут ни крути. Девушка явно не пойдет против сородичей – сожрут и не подавятся, а первой к разделу с ножом и вилкой прибежит ее матушка. Я тоже не собираюсь отступать от своих принципов.

– По связи действительно дешевле, – согласилась моя

невеста. – Вот только насчет «проще» как-то не складывается. Ты ведь так и не сказал, где тебя найти. Может, скажешь, и поговорим лицом к лицу? – Я отрицательно покачал головой. – Ну вот видишь? – печально проронила Альмилира. – В реальности ты никак не хочешь со мной говорить. Боишься. Поэтому приходится во сне...

– И все же. Ты решила выйти за меня замуж из-за княжества?

– Неправильно поставлен вопрос. Я уже честно сказала и тебе, и себе – я тебя люблю и хочу быть с тобой. Замужество – это юридическое оформление сложившихся отношений. В конце концов, это тоже сейчас поняла, я готова быть с тобой без этих ненужных ритуалов. Когда мы с тобой встретились, я знать не знала ни о каком княжестве. Вам, людям, не понять, что означает притяжение идеального партнера. Сила притяжения бывает разной, но в любом случае она означает возможность зачатия ребенка. Для расы эльфов это крайне важно. А в случае идеального партнера, когда сила притяжения максимальна, так же как вероятность зачатия, брак практически неизбежен. На то, чтобы он свершился, направляются все доступные ресурсы эльфийского сообщества, и не важно при этом, кто партнер – князь или нищий бродяга, эльф, человек или орк. Причем, заметь, речь идет о физическом и духовном единении партнеров, а не о юридической процедуре. Последняя всего лишь узаконивает имущественные права супругов и их детей. И главное во всем этом имен-

но духовное единство. Если хотя бы один из партнеров не имеет достаточно сильного желания иметь ребенка, ничего не получится. Поэтому бессмысленно принуждать кого-либо. Разумеется, можно, используя притяжение, добиться того, чтобы партнер был всегда рядом, а там уже осторожно и терпеливо достигать любви и согласия. Но на это иногда уходят годы... десятилетия. Я тебе это рассказываю так подробно для того, чтобы ты знал, как строятся взаимоотношения у нас, и не пользовался сомнительными источниками. Наболтают порой такое, что мы предстаем чуть ли не рабовладельцами. А это далеко не так. Я ответила на твой вопрос? Теперь моя очередь. Ты любишь эту варварку? Любовару?

– Я не знаю. Честно, не знаю. Мне казалось, что да. Люблю. Но после того, что она...

– Я понимаю. – К моему удивлению, Альмилира не стала закатывать сцену ревности и говорила чуть холодно и отстраненно, будто решала задачу по анализу ситуации: – Мужчины-люди полигамны. Кобели, проще говоря. Я это могу понять и принять. Умом. Сердцу все равно очень сложно смириться. Чувствам не прикажешь. Но я стараюсь. Ты знаешь, я тут подумала. Времени у меня было много... Мы, эльфы, неправильно воспитываем наших детей. Мы с детства внушаем девочкам, что они обязаны только властвовать, а мальчикам, что их доля – беспрекословное подчинение. В результате, в нашем совете хранителей остались одни женщины, а мужчин-воинов становится все меньше. Девушки, которые

потаенно мечтали бы спрятаться за широкую спину мужа, начинают считать себя неполноценными. Внутренний конфликт приводит к болезням, нервным срывам и бесплодию. Самое страшное то, что многие старшие эльфийки, в том числе и моя мать, все понимают, но, к сожалению, ничего менять не хотят. Точно так же, как я сейчас с тобой. Разумом принимаю, а сердцем – нет. Долгая жизнь – это не только благо, но и проклятие нашего народа. Мы не умеем быстро перестраиваться и вовремя отбрасывать отжившие традиции и правила. Это сильно мешает. Понимаешь? Я действительно уже п-о-ч-т-и готова выйти за тебя замуж по вашим людским правилам. Но скажу честно, а здесь иначе невозможно, на самом деле п-о-к-а к такому шагу не готова. Мне нужно еще время. Вот видишь, какую философию я тут перед тобой развернула?

«Это не сон. Это бред какой-то. Альмибира! Просит! Отсрочки! Соображения в пользу бреда мне кажутся все более основательными».

– Альмибира, – как можно мягче начал говорить я, – но ведь ты понимаешь, что матушка твоя с тебя не слезет, пока не добьется своего. Она ведь прежде всего политик и только потом твоя мать. И что за жизнь у нас с тобой получится? Да и ДОК меня в покое не оставит. Кстати, ты не знаешь, что им от меня надо было?

– Прости, Рад. Я не могу тебе ответить. Это служебная информация. Единственно могу сказать – твое княже-

ство. Понимаешь, насколько мне известно, согласно древнему договору между Вильдорией и Градорикой, княжество Бахрийское остается практически в двойном подчинении, но в составе Вильдории. В случае отсутствия наследников мужского пола княжество переходит целиком и полностью под юрисдикцию Вильдории. Однако если будет доказано преднамеренное убийство или хотя бы участие королевских служб в убийстве правителя или его наследника, то, наоборот, переходит к Градорике. Не все так ужасно, как может показаться. Тайные службы обоих государств так пристально следят друг за другом, что за тысячу лет практически не было случаев странной гибели князей Бахрийских. Большинство умерло естественной смертью от старости в своих постелях. Не вписывается в общую картину только несчастный случай с твоим отцом. Однако за все время со дня его смерти никто так и не смог доказать, что это было убийство.

– Так чего же меня не придушили в юном возрасте, а только сейчас начали устраивать провокации?

– Как специалистка скажу, что тому, за кем приглядывает... не следит, а именно приглядывает, могущественная тайная служба, очень трудно подстроить «несчастный» случай. А по отношению к тебе это и не требовалось. По всем расчетам, ты не смог бы выкупить залог, и земли естественным образом отошли бы короне Вильдории. А ты выкупил. Как тебе это удалось, до сих пор никто не знает. Может быть, просветишь меня? Очень интересно.

– Скажем так, участие в некоторых коммерческих проектах. Больше ни словечка. Прости.

– Ну что ж с тобой сделаешь.

– И все же. Тысячу лет два государства грызутся за мое несчастное княжество. Сколько поколений сменилось...

– По человеческим понятиям много, по эльфийским и гномьим не очень-то...

– И тем не менее. Что в моих землях такого особенного? Вроде ни золота, ни драгоценных камней нет. Ну разве что в горах на западе. На границе с Гиспаром. Так и то толком ничего не известно...

– Когда-то через земли княжества шел основной поток грузов с запада на восток и с севера на юг. Дороги в обход до сих пор существенно увеличивают затраты на перевозки и не позволяют вовремя доставлять некоторые товары с ограниченным сроком годности.

– Так что же купцы не скинулись да не очистили земли?

– Здесь тоже не все так просто. Градорика не позволяет своим купцам вкладывать деньги в этот проект, поскольку не желает усиления роли Вильдории, и делает все возможное, чтобы торговцы стран запада тоже не участвовали в этом. Вильдория же... Знаешь, сколько, по предварительным подсчетам, потребуется золота?

– Знаю. Около двадцати пяти тысяч.

– И это только по предварительным подсчетам. Хуже всего, что реальных цифр не знает никто. Экспедиции, снаря-

женные короной, либо не возвращались, либо возвращались далеко не в полном составе. То есть возвращались единицы, которые, кроме как о предельно опасных тварях и странном магическом фоне, ни о чем толком сказать не могли. Охотники, таскающие из аномалии артефакты, скрываются от нашего внимания, а если и удастся выйти на контакт, ничего не рассказывают... Да, Гаррад! Да! Врать не буду. Их и пытали, и подвергали воздействию эмпатов-целителей, специализирующихся на проблемах головного мозга. У всех словно блок какой-то стоит – они либо умирают, либо сходят с ума. Теперь представляешь, как можно в точности рассчитать потребность в людях, вооружении, снаряжении, магической поддержке?

Альмилира, сидя, потянулась, прогнулась, непроизвольно (или как раз специально) выпятив грудь совершенной формы. Потом резко выдохнула и деловито сказала:

– Ну ладно, чего мы все о политике да о политике. Давай хоть на природу посмотрим, полюбуемся.

Она стала вставать, машинально протянув мне руку. Я столь же машинально подал свою и помог даме подняться. В момент касания по мне словно волна приятного холодка пробежала от пяток до макушки, потом холодок сменился жаром, побежавшим вниз и застрявшим на уровне... той головы, которой ни в коем случае не следует доверять управление телом.

Альмилиру словно мощной магией притянуло ко мне. Мы

стиснули друг друга в объятиях так, будто расцепиться – это погибнуть ужасной смертью на радость злым силам. Дальнейшее потом всплывало в памяти несвязными фрагментами, каждый из которых остро напоминал о пережитом, буквально неземном наслаждении. Сколько раз я достиг бурной разрядки – не помню. Не считал. Сколько раз Альмилира?.. Точно больше, чем я, а сколько именно, даже не представляю. Мы отдыхали, потом снова сцеплялись, как два голодных тигра. Единственно, косяками на пиру хищников мы друг для друга представляли по очереди. До полного изнеможения дошли тоже практически одновременно.

– Ох... Ра-а-а-ад!!.. Как же... было... хорошо-о-о-о-о!!.. А тебе? – бессильно откинувшись на шелковистую траву и бурно дыша, спросила невеста.

– Ва... аха... ва-ах... схити... тельно! – дыша, словно астматик перед смертью, честно ответил я.

– Ну вот... а ты жениться на... мне... не... хотел!

– Так... я по-прежнему... не собираюсь...

Я услышал глубокий-глубокий, со всхлипом, вздох. Увидел круглые от бешеной ярости глаза девушки:

– Ах ты к-коб-бель!! – почувствовал яростный толчок в бок и... рухнул на что-то твердое...

...Я сидел на полу, куда свалился с кровати, в спальне квартиры Олевара и никак не мог отдышаться. В предрасветных сумерках мое ложе выглядело так, будто стая бешеных от голода обезьян делили на нем последний банан. Но

что меня поразило больше всего – на простынях не было ни капли спермы. Что такое подростковые поллюции, мне довелось узнать в свое время, когда я утром, краснее рака, искупавшегося в крутом кипятке, бежал к корыту застирывать последствия. Здесь же практически ни-че-го, хотя организм однозначно извещал – на новые постельные подвиги он неспособен категорически. Десяток самых умелых и красивых жриц любви могут попытаться применить на мне все свое искусство – ничего-то у них не получится.

И что это было? Как назвать такой сон? Кошмаром? Или нирваной?

Диалог – наверняка можно отнести к кошмарам. Сплошной бред – ты меня любишь? А ее? Любишь? А ту черненькую (зелененькую, светленькую)? Любишь! И вывод – ко-о-о-обе-е-е-ель!

Зато финальная часть... хм... ну никак не кошмар. Такое и в реальности я не прочь бы пережить. Тем более в отличие от тех снов, где Альмирила мне приказывала записываться в рабы, в этом – приказывал я. Как приговаривал один мой приятель: «Что бы ты ни говорила, а все равно я буду сверху!» Надо признать, что иногда, конечно, и Альмирила бывала сверху, но... с моего позволения...

Я посмотрел на постель и... решил больше не ложиться. Второго такого сна я, боюсь, пережить бы не смог. Да и вообще, больше в эту кровать я не лягу. На коврике в коридоре, на кухне, да хоть в туалете, где угодно буду спать или

не спать вовсе, но только не на этом траходроме. Во всяком случае, три дня точно... а потом можно и повторить.

Глава 3

Слоистый рассветный туман серым полупрозрачным покрывалом поднимался над идеально круглой поляной в глубине Великого леса Вильдории, скрывая до времени бриллианты росы на шелковистой траве. Вокруг плотной стеной сплетались ветви колючих кустарников и деревьев, а вдоль периметра росли необычные красивые цветы, формой напоминающие лилии, однако огромных, просто гигантских, размеров. Всего их было пять. К этому моменту четыре из них повернулись бутонем в сторону поляны и начали медленно, словно нехотя, раскрываться, одновременно меняя форму.

Внутри раскрывающихся бутонов, как в удобных гамаках, возлежали женщины. Наконец цветы завершили трансформацию и преобразовались в своеобразные кресла. Женщины зашевелились, пробуждаясь от транса, стали потягиваться и разминаться.

– Т-твою ж Вел-ликую М-ма-а-а-ать! – прохрипела одна из них. – Ка-а-а-ак же она развела нас, девочки! Я ей еще припомню.

– Ага! – поддержала ее другая и тоненьким голоском передразнила: – «Девочки, всего лишь продление метки на три года. Она его коснется – и все! Дайте только срок, а то во время призыва он убегал от нее, словно от бешеной собаки. Коснется – и все!»

– Вот-вот, – подхватила первая. – Точняк, Мать-Хранитель торговли и внешних связей. Коснулась, нах! Так, нах, коснулась... чтоб я так касалась мужиков каждую ночь, нах!

Не всем на поляне нравилось слушать из уст утонченно красивой эльфийки подобные выражения.

– Мать-Хранитель воинов, соблаговолите оставить казарменные выражения. Уши круглеют! Где вы такого поднабрались? У орков, что ли? – поморщилась Мать-Хранитель науки и культуры.

– А что орки, нах? Бравые ребята. Говорят, что думают, и не сюсюкают. А ты что же, не веришь, что Варраика, Великая Мать, нас подставила?

– Не верю. Думаю, она и сама не ожидала такого финала. Иначе наверняка предпочла бы оставить все как есть... а впрочем... может, и не предпочла бы. Все-таки стать хотя бы бабушкой будущей Повелительницы всех Великих лесов континента – зеленая мечта почти всех эльфиек. Вы бы, подруги, отказались? Ее дочь по молодости и глупости еще не знает и не понимает, что произошло, но мамаша быстро просветит, и тогда голыми руками их не возьмешь.

– А с чего вы решили, что родится девочка? – задумчиво спросила последняя участница ритуала, Мать-Хранитель природы.

– Не девочка?! А кто-о-о-о?! – с неподдельным изумлением спросила Мать-Хранитель воинов, забыв даже добавить по своему обыкновению парочку ругательств.

– Мальчик, например, – все так же задумчиво ответила Мать-Хранитель природы.

– Мальчик-повелитель?! Ты, нах, явно с елки рухнула...

– Прекратите мне тыкать! – вспыхнула вдруг Мать-Хранитель природы. – Маска бравого вояки, своего в шишку, смотрю, уже намертво приросла к вам. Вы способны хотя бы на Совете не играть перед нами эту глупую роль?!

– Способна, – буркнула воительница. – Но твою ж Великую Мать! – противореча самой себе, с жаром воскликнула эльфийка. – Вдумайтесь, девочки! Тыщу лет мы жили без повелительниц, а тем более – повелителей! И неплохо жили! Совет Великих Матерей Великих лесов континента без повелительницы не может собраться уже столько же лет! И что? Нам плохо живется?

– Может, и плохо! – твердо возразила Мать-Хранитель науки и культуры. – Да не может, а точно. Достоверно известно, что количество и площадь Великих лесов неуклонно сокращается и численность эльфов – тоже. Я считаю слияние Альмиры и... – эльфийка немного запнулась, не желая напоминать, в том числе и самой себе, о человеке, – ее партнера при проведении древнего ритуала соединения далеких влюбленных знаком судьбы. Ничто в мире не происходит просто так. Значит, то, что случилось, было угодно Великому лесу. Кто знает, может быть, ребенок, зачатый в этот самый день с помощью древнего ритуала, призван объединить Великий лес и вернуть былую славу нашей расе. Стыдно сказать. Мы

интригуем и боремся даже друг с другом. Великий лес Вильдории строит козни Великому лесу Гоблери, а тот, в свою очередь, натравливает варваров на Великий лес Гиспара и Франки... Великие Матери служат людским и гоблинским монархам, сотрудничают с орочьими вождями и царями гномов! Повелительница...

– Повелительница, говоришь? – с медоточивой улыбкой прервала ее пылкую речь Мать-Хранитель торговли и внешних связей. – А если все-таки не Повелительница, а... Повелитель? Тогда снова в Совет проникнут мужчины, а мы все прекрасно знаем их агрессивность и необузданность. Они же как дети. Все привыкли решать с помощью силы.

– Чушь! Все это чушь! Какие, нах, мужчины в Совете! Но проблема обозначена правильно. Нам не нужны ни повелители, ни повелительницы! Вдумайтесь в еще один момент, – воительница выдержала внушительную паузу: – Кто отец будущего ребенка?! Кто?! Че-ло-век. Понимаете? Не эльф! Значит, и ребенок родится тоже не чистокровным эльфом.

– Обычно это не имеет значения... – неуверенно попыталась возразить Мать-Хранитель природы.

– Но обстоятельства в этот раз необычные. Нам надо что-то решать. Лично я, кроме радикального, иных решений не вижу.

– То есть, пока ребенок не родился, вы предлагаете... Мда. Потом сделать это будет крайне сложно. Наш народ нас

не поймет. Все эльфы жизнь положат и за ребенка, и за его родителей, кем бы они ни были, – холодно высказалась Мать-Хранитель науки и культуры.

– Вот именно! – со значением проронила воительница. – Мы должны решать сейчас, пока не стало поздно.

– Значит, Альмилира и... ее партнер должны уйти под корни? – спросила Мать-Хранитель природы, посмотрела по очереди на каждую подругу, но ни с одной из них не встретилась взглядом. – Вы же понимаете? Если Варраика узнает, она же нам всем глотки перегрызет!

– Это если узнает, – мрачно буркнула воительница. – Ну что? Голосуем? Пока не поздно. Лично я – «за».

После некоторого колебания решение подтвердили остальные, кроме Хранительницы науки и культуры.

– Большинство голосов решение принято, – подытожила воительница. – Устранение Альмилиры я беру на себя. С человеком, думаю, трудностей не будет, поэтому я предлагаю назначить ответственной Мать-Хранителя торговли и внешних связей.

– И все-таки я считаю, что мы совершаем ошибку. Я изучала архивы и лучше всех присутствующих знаю историю. Вас не удивляет, почему мы называемся несколько странно? Например – Мать-Хранитель природы. Почему не Хранительница? Да потому, что когда-то большинство в Совете составляли мужчины...

– Ой, да, нах, знаем мы все это... – ответила воительни-

ца. – Блюстители традиций скорее, нах, сами под корни лягут, чем изменят хоть букву. Нам-то что с этого?

– Ладно. Видимо, убедить никого не получится.

– Не получится, – кивнула головой воительница.

Ломать голову над тем, где мне спать следующую ночь, не пришлось. Пришел посыльный от Олевара, передал ключи и заверил, что с покупкой дома все в порядке, формальности завершены и дом в моем полном распоряжении. Даже после переезда семейство Годовара мешать мне не будет. Как это будет реализовано практически, посыльный не знал. Я предположил, что Годовару дадут четкие инструкции не препятствовать моим делам, но все оказалось проще. В доме, несмотря на выданные ключи, меня дожидался доверенный гном из команды Олевара, который открыл мне двери, провел по всему дому, складам и мастерской и напоследок показал двухкомнатные апартаменты, отгороженные временной стеной от остальных помещений. В дальней от входа комнате даже была предусмотрена выгородка для туалета и душа. Тесновато, конечно, и звукоизоляция, скажем так, почти напроць отсутствует, однако же мне не балы здесь устраивать.

– Эти комнаты целиком и полностью ваши, ньор, – сказал гном на хорошем вильдорском. – Если потребуется еще, мы отгородим. Договоренность с Годоваром есть. Он также извещен о вашем статусе фактического владельца. Его семья будет жить на правах управляющих и прислуги. Их все

устраивает.

– Мне вполне хватит двух комнат. Надеюсь... э-э-э...

– Вход в храм в той, что окнами во двор, – понял мои затруднения гном. – Хочу предупредить, что за домом, по распоряжению Олевара, будут постоянно присматривать двое-трое крепких парней. Они постараются делать свое дело незаметно, но если вы что-то увидите, немедленно известите меня. Я – начальник охраны ньора Олевара и... брат-хранитель, как вы, надеюсь, уже поняли.

– Благодарю, я понял, но-о-о... не будет ли присмотр лишним? Не привлечет ли ненужное внимание к дому?

– Здесь негласная охрана – это норма. Район не очень благополучный – контролируется бандами. Они постоянно лезут на чужие территории, но и на своей стараются по максимуму выдоить жителей. Княжеская стража появляется здесь редко, а с тех пор как в верхах началась нешуточная грызня за власть, так и вовсе никого не увидишь. Жильцы побогаче нанимают охрану, чаще всего из членов банды, контролирующей свой район. Это фактически их сумма откупных, да и пришлых гастролеров охрана с удовольствием отваживает. Прежний владелец не имел средств для найма охранников, а может, не считал нужным. По непроверенным слухам, он сам состоял в одной из банд. Имейте в виду, о смене владельца скоро станет известно всем заинтересованным лицам. «Гости» появятся обязательно. Именно поэтому семью Годовара будем переселять не ранее, чем через неделю, а то

и две. Не беспокойтесь. Мои ребята быстро объяснят бандитам, что здесь им ловить нечего.

Вход в храм оказался в подполе. Крышка люка располагалась у окна таким образом, что увидеть с улицы ее или при должной осторожности перемещение жильца в подвал было практически невозможно.

Бытовые мелочи типа простой кровати, шкафа, стола и стульев, небольшой магической плитки и скромного набора кухонной посуды меня не волновали, поэтому, не тратя времени на детальный осмотр, я открыл люк и по лестнице спустился в подвал. Гном вдруг заерзал и обратился ко мне с невинной просьбой разрешить поприисутствовать при открытии входа в храм. Все бы ничего. Я уже привык к тому, как на меня реагируют хранители и насколько им интересно все связанное с храмом, но аура гнома высветила не совсем... точнее, совсем не те чувства, что транслировали в свое время гоблины. Доверенный Олевара при внешней невозмутимости буквально полыхал азартом охотника, настигающего заманчивую дичь. Что для него может быть дичью? Не храм явно. Гном должен знать, что сам по себе храм малоинтересен – есть подземные лабиринты и покрасивее. Значит, что остается? Ценности храма: золото, артефакты и книги. Примерно то, что сейчас таскают группы охотников из аномальных зон княжества Бахрийского и других мест, оставшихся после грандиозной войны. Аура гнома, кроме прочего, подсказала мне, что он если не маг, то подмастерье точно. Рань-

ше, пока был жив прежний хранитель, проникнуть в лабиринт гном не мог, да и сынок-орк тоже не стал бы пускать в свой дом кого попало. Кроме того, гном должен был предполагать наличие магических и механических ловушек, которые могли сработать при открытии входа и если не убить посторонних, то качественно завалить туннель.

Возникает вопрос: доверенный сотрудник действует по указке Олевара или сам по себе? Пока ответа у меня нет. Тем не менее прятаться от наблюдения я не посчитал нужным. Если очень захочется, то всегда можно продолбить дыру и проникнуть в храм, в котором, по моим расчетам, золота быть не должно. Искать есть смысл не в общедоступных храмах, известных хранителям, а в секретных филиалах. Секретные на то и секретные, чтобы не нуждаться в дополнительном присмотре со стороны хранителей. Однако они об этом не знают. И немногочисленные жрецы, не имея доступа к знаниям главного храма, тоже знать об этом не могут.

Спустившись в подвал, я обнаружил в нем обычные полки с различными соленьями, маринованными овощами, компотами и вареньями в пыльных банках (и это предусмотрели), хлам в виде старых бочек и ведер в углу. Как раз за небольшим завалом и скрывался ход в храм. В дополнение ко всему я без труда обнаружил в магическом диапазоне... целых четыре довольно дорогих записывающих артефакта, хитро спрятанных за охлаждающими магемами. Цель их размещения в столь малоинтересном месте очевидна – зафиксиро-

вать каждое мое движение по открыванию входа. Не будь у меня развитой способности видеть одновременно в двух диапазонах, вполне мог и не заметить.

Ну что ж, ребята. С вами мы разберемся потом. Смотрите, учитесь, открывайте. В лабиринт столицы Вильдории можно проникнуть, вообще ничего не взламывая, – заходи и гуляй. Очень это помогло горе-исследователям? Здесь, уверен, будет не проще. А если какая ловушка со временем поломалась, так я всегда смогу ее починить, а то и усовершенствовать. Мне, как жрецу, ничего не грозит. В каждой есть обязательный блок распознавания своих, а уж Верховный жрец может в любом храме ходить где хочет.

С помощью услужливого гнома я разобрал завал и осмотрел магический замок. Энергия в накопителе давно иссякла, но линию подпитки я почему-то не обнаружил. Разбираться придется внутри, а в данный момент я использовал свой накопитель и активировал замок. Но открыл не сразу. Сначала устроил маленькое представление для будущих зрителей. Им же будет неинтересно, если все пройдет слишком просто и банально. Поэтому мне пришлось пару минут постоять, изображая вход в транс, затем внимательно оглядеться по сторонам, «не заметив» артефакты записи, потом – также «в трансе» – пройтись по всему подвалу, то поглаживая штукатурку, то, тщательно отмерив, нажимая в причудливой последовательности участки стены. При этом я старательно «прятал» свои действия от гнома. Наконец прошел к

двери в лабиринт и только тогда отрыл ее.

С глухим шорохом часть пола и стены провалилась внутрь, образовав некрутой наклонный пандус.

Гном умоляюще посмотрел на меня:

– Можно мне с вами, ньор?! Я вам помогу. Вдруг там завалы или еще что? Мы, гномы, в подземельях и в горах как дома...

– Нет. Нельзя. Это очень опасно. Прошло много лет – ловушки могут быть повреждены.

Гном не стал признаваться в магических умениях, поклонился и молча отошел в сторонку. По его лицу ничего невозможно было прочесть, но аура передала мне его уверенность в том, что для прохода я ему уже не нужен. Однако и избавляться от меня доверенный явно не собирался, надеясь, вероятно, на то, что я сам приведу его к золоту или, во всяком случае, не помешаю.

Я прошел внутрь и закрыл за собой проход. К сожалению, недееспособными оказались не только ловушки, но и все оборудование и механизмы храма. Даже призраков-стражей не было. Не было и освещения, пришлось сразу активировать фонарь. Причина оказалась довольно банальной и ожидаемой – не функционировал храмовый концентратор магии. К нему первому я и направил стопы свои. Предварительно по привычке огляделся, но ничего заслуживающего внимания ни в магическом, ни в оптическом диапазоне не обнаружил. Разве что в районе входа что-то мелькнуло, но я

решил – либо мне просто показалось, либо это был остаточный фон энергии запирающего механизма.

На место я пришел довольно быстро. Привык уже в вильдорском лабиринте, а этот был вполне типовой. Да и зачем мудрить, когда реальным лабиринтом храмовый комплекс делали перегородки, в случайном порядке перекрывающие входы по командам центра управления. Кстати, любой жрец мог при необходимости поднять любую перегородку на время, необходимое для прохода. Однако, насколько мне известно, такой необходимости, как правило, не возникало. Зная хорошо дорогу, можно легко обойти препятствие. Поэтому я уверенно пришел в нужное место за минимально необходимым временем. По дороге отметил множество структур ловушек, но опять же без капли энергии.

Повреждения концентратора, к счастью, оказались совсем небольшими. Однако сами по себе служили хорошим показателем того, как долго может работать техника, в том числе и магическая, без присмотра специалистов. Даже если ее функционирование рассчитано на века и тысячелетия. Небольшая (метров пятнадцать длиной и с полметра шириной) трещина в колодце концентратора – и храм превратился в обычное пыльное, грязное и душное подземелье.

Мне пришлось опустошить почти все накопители, заделывая трещину. Для этого понадобилось вспомнить лекцию об артефактах, применяющихся в шахтах для добычи руды, лабораторную работу по конструированию древних метателей

камней и амулетов плавления породы. Камень я добыл, расширив одну из технологических ниш. Транспортировал его с помощью еще одного амулета левитации, который, правда, был когда-то разработан, но реально не использовался из-за дороговизны подобного перемещения не очень ценных грузов. Труд людей-откатчиков ценился многократно ниже, и даже затраты на установку рельсовых путей для вагонеток окупались довольно быстро.

В концентраторе я не стал ничего менять, хотя мысли об усовершенствовании уже давно бродили в голове, но в данной ситуации рисковать и экспериментировать я не стал. После того как магическая энергия, к немалой моей радости, хлынула потоком по проторенным путям, мне еще долго пришлось бегать по лабиринту, ремонтируя пути ее поступления и поврежденные контуры. Начал, разумеется, с портала, и, когда таблица доступных порталов заиграла живыми огнями, я вздохнул с облегчением и с резко возросшим трудовым энтузиазмом занялся ловушками, добавив в каждом коридоре по две-три своих.

Время под землей бежит незаметно, поэтому точно определить, сколько часов я занимался важными делами, не удалось, только сосущий голод подсказал – очень и очень долго. Полсуток минимум.

Ск-р-р-р-р-рррррррррррр... Бу-у-ум!!

Скрежет камня и глухой удар в абсолютной до этого тишине вогнали мое бешено застучавшее сердце в пятки. Изо

всех сил преодолевая тягучий сироп воздуха, я стремительно развернулся в сторону странного шума, готовый реагировать на любую угрозу.

Привык за эти часы к тишине лабиринта. Когда рубил и таскал камни для заделки концентратора, шума и пыли, конечно, хватало, но потом-то ему неоткуда было взяться. Магический ремонт и установка новых ловушек – дело вполне бесшумное, а тут вдруг внезапный скрежет и удар за спиной.

На меня весело щерился неровностями камня... тупик. Это, оказывается, заработал механизм перекрытия ходов, а грохот – результат недостаточной очистки от многовековой пыли направляющих и роликов. Что поделаешь? Первое срабатывание за столько-то лет. Очищающие контуры уже принялись за работу и скоро отполируют все движущиеся части до первозданного состояния. Тогда многотонные двери, замаскированные под куски скал, будут открываться и закрываться практически бесшумно, однако первое срабатывание есть первое срабатывание.

С облегчением выдохнув, я задумался над решением нелегкой задачи – вернуться в столицу Градорики и съесть баночку-другую солений в кладовке или перейти сразу в Вильдорию под крылышко гоблинов-хранителей. Этот вариант победил со значительным перевесом. Во-первых, я уже от нетерпения и так был на пределе, не зная, что случилось с дедушкой У, Лю, Дином и бабушкой после моего ухода. Не повредили ли чем моей семье, хотя вроде не должны бы?

Во-вторых, готовили у гоблинов изумительно вкусно. Если вспомнить курочку в соевом соусе со специями и...

Не в силах больше терпеть нешуточные муки, я, поднимая клубы пыли, которую еще не успели убрать контуры-уборщики, и задевая стены извилистых ходов, рванул со всей возможной скоростью в сторону портала. Нетерпеливо ткнул в строчку вильдорского храма и метнулся в радужную пленку проема.

Сад дедушки У только-только начинал купаться в первых лучах светила, поблескивая радугой драгоценных камней утренней росы. Получается, я провел под землей почти сутки. Одна-а-а-ако. Конечно же, после тяжелой работы есть захотелось не меньше, чем трем оголодавшим тиграм. Поэтому первым делом решил тихо пробраться на кухню и чем-нибудь перекусить, пока все спят.

Планы мои воплотились в реальность... но не совсем так, как я их наметил. В коридоре на меня налетел вихрь, каковой взметнулся мне на шею, стальной хваткой обхватил ногами мой торс и, перемежая счастливый смех слезами и всхлипываниями, защебетал без остановки:

– Ра!! Я знала, что ты живой! Что ты вернешься! А тут ввалились эти люди. Кричали. Требовали выдать тебя. Мне было так больно от их ярости. Хорошо, меня уже научили закрываться. Раньше нельзя было, надо было развивать дар, а теперь стало можно. Я бы не пережила, если бы не умела закрываться. Мы им говорим, что не знаем, где ты. Ушел

вчера и не вернулся, а они не верили. Именем короля все облазили, все перевернули. Тебя не нашли. Вход тоже не нашли. Ушли такие злы-ы-ы-ые! А ты хорошо себя чувствуешь? Ты не ранен? Давай я тебя полечу. Я уже могу. После третьего курса у нас только практика. Два года. Наставники говорят, что у меня очень хорошо получается. Говорят, что я будущее светило. А это ведь ты мне помогал, когда рассказывал, что видишь в ауре. Мне так легко после этого было понимать, что происходит с больными, так легко... Ты не ранен? А есть хочешь? Давай я тебя покормлю...

Стоило мне сказать, что очень хочу есть, как необременительная тяжесть девушки исчезла вместе с самой девушкой, а на кухне послышался негромкий шум посуды.

Уфффффффф! Я дома. А ведь действительно! Дома! Во всяком случае, ощущение родного обиталища было настолько ярким, словно я действительно вернулся в семью после долгой разлуки.

Глава 4

За ранним завтраком я рассказал семейству гоблинов все, что со мной произошло в Градорики. Не рассказал единственно о том, как я там оказался, но с меня и не требовали пояснений – жрецы имеют свои секреты, и лезть в них хранителям неуместно. Однако обиду на поведение Любовары бабушка Сон совершенно не поддержала, неожиданно заслужив от Лю яростный взгляд:

– Думаю, ты зря на девушку обижаешься, – рассудительно отметила бабушка. – Может быть, она совсем и ни при чем. Мелко как-то, не похоже на то, какой ты ее описал. Это ведь могла быть инициатива ее охраны. Им же могло прийти в голову вступить таким образом за ее честь. Они же не могли знать, что между вами произошло, а потому решили, что какой-то простолюдин вел себя с боярышней совершенно неподобающим образом. Для того, чтобы поставить хама на место, вовсе не обязательно спрашивать разрешения у хозяйки. Впрочем, не так уж и давно ты ее знаешь, а она тогда нуждалась в твоей помощи. Значит, может быть, и сама науськала свою охрану. Не знаю.

– Наверняка это она приказала, – горячо вмешалась Лю. – Мне она сразу не понравилась! Фифа неотесанная!

– Тише-тише, Лю! Что ты так ополчилась на варварку? Ты же ее совсем не знаешь, – немного притушил страсти гла-

ва семейства. — Или, когда она была у нас в доме, ты почувствовала в ней что-то нехорошее? Ничего такого? Ну вот. Будь сдержаннее, Лю. А то можно подумать, что... ты понимаешь... — Лю стала немного зеленее (люди в таком случае краснеют) и отвернулась. — Ты мне лучше вот что скажи, Ра, — сосредоточился на мне хранитель. — Ты ведь не обладаешь чувствительностью внучки, чтобы с ходу определить, что за человек перед тобой, может, ты ошибаешься насчет того гнома?

— Я бы и хотел ошибиться, но, скорее всего, нет. Не ошибся.

— К сожалению, случаются и в самых крепких кланах предатели и отступники. Природу человека не переделаешь, а золото всегда привлекает нестойких. Но за Олевара тем не менее я готов поручиться. Клан знает его много лет. Были времена, когда он мог буквально озолотиться, если бы вышел из клана, но не сделал этого. Если посчитать, торговец принес клану гораздо больше, чем получил от него, — задумчиво помолчав, ювелир медленно произнес: — Значит, гном хочет золота. Не он первый. Пусть попробует найти. Вдруг ему повезет. Тогда мы золото отберем, а его самого... к-хм... уберем.

Старый ювелир прищурил и без того узкие глаза и всмотрелся в пустой угол, будто там стоял пресловутый гном и надо было срочно решить, как лучше разделать его тушку. У меня и самого мороз по коже пробежал. Такой взгляд был

как-то у дедушки У, когда я в первый раз смог его достать в тренировочном бою. Дескать, кто посмел?! Мне показалось, что сейчас меня будут хладнокровно убивать, но мастер только усмехнулся и уважительно поклонился. Однако гному кланяться он явно не собирается.

Поговорили немного и о моих планах. В первую очередь я собирался навестить родных. Давно пора, а то в первый год-полтора работы во дворце просто некогда было – надо было показать товар лицом, продемонстрировать, что я умею, и поменьше бегать за советами к Трумару. Потом учеба в актерской мастерской, потом злосчастный поход в лабиринт... Если быть честным с самим собой, время навестить всегда можно найти, но не очень-то хотелось из столичной жизни возвращаться в нищее прошлое. Казалось, что, стоит мне вернуться домой, я там так и останусь, а вместо работы магом буду продолжать стирку, глажку, уборку за нищенские медяки.

Затем, после посещения родных, следует плотно заняться связующими амулетами (были кое-какие мысли) и магией порталов. Дедушка У внес свои коррективы, обрисовав печальное положение с производством артефактов.

Если со стиральными баками и амулетами чистоты все было в порядке – производство расширялось, в разных государствах создавались совместные компании, доходы росли не по дням, а по часам, то с соединяющими амулетами возникла напряженная ситуация. Всем так понравились демонстраци-

онные модели, что выстроилась немалая очередь желающих купить их за любые деньги. Причем далеко не только ювелиров – областей применения уже столько напридумывали, что я и в самых смелых фантазиях вообразить не мог. Проблема заключалась в том, что привлечение магов к копированию практически ничего не дало. Я могу сколько угодно гладить себя по макушке, ласково приговаривая: «Какой ты умный, Гаррад! Сумел скопировать такой сложный амулет, как «Звезда магистра», за сравнительно короткий срок», – но делу это помогало мало. Месяц труда квалифицированного мага для производства одного-единственного амулета делал его по цене прямо-таки брильянтовым. И ничего поделать невозможно, поскольку копировать приходится сравнительно небольшими кусками, рассматривая и запоминая каждый во всех подробностях. Мой копир во дворце работал просто потому, что несложные магеми можно было видеть практически с любой точки – они представляли собой фактически плоскую, а иногда даже одномерную структуру. Перенести ее через зеркальный преобразователь в другой материальный объект достаточно несложно. И то возникали ошибки. К тому же при копировании не учитывались особенности материала приемника, который физически не мог быть идеальной копией материала источника. Правда, словно брага у старого пьяницы, у меня в голове бродила одна мысль, но оценить, насколько она бредовая, без экспериментов довольно сложно. На лекциях по алхимии нам рассказывали

об опытах по выращиванию кристаллов. В том числе и для создания амулетов. Однако, насколько мне известно, широкого распространения эта технология не получила. То ли из-за сложности и дороговизны, то ли из-за отсутствия устойчивого спроса. Во всяком случае, ювелиры, как подтвердил и дедушка У, работают только с природными камнями, поскольку покупатели, а это в основном аристократы, считают плебейством носить украшения из искусственных материалов. Такая же ситуация и с амулетами. В общем, мысль была такая – выращивать кристалл вместе с магами по образцу. Получится или нет, сказать сейчас невозможно, но мне кажется, в этом что-то есть. А будет ли результат – покажут эксперименты.

В завершение разговора ювелир помялся, сходил куда-то и вернулся, держа в руках конверт:

– Три дня назад курьер доставил нам письмо для тебя. Как мы ни отрицали факт твоего проживания здесь, он именем короля потребовал проставить магическую метку в получении. Сказал, будто и по другим вероятным адресам разосланы аналогичные послания. Прости, но мы вскрыли, – немного смущенно пояснил У. – Нам следовало выяснить, о чем там пишут, а тебя не было... Ну вот и открыли. Мы не знаем, можно ли верить тому, что там написали. Может быть, это ловушка?

«Гарраду зи Сонтез, князю Бахрийскому.

Ваше сиятельство! Настоящим уведомляем Вас о награж-

дении знаком «Защитник короны» четвертой степени за заслуги перед отечеством в деле ликвидации опасной банды, промышлявшей разбоем и насилием под прикрытием коварного отступника полковника Козельса, каковой при задержании оказал сопротивление и был убит.

Заслуженная Вами награда будет вручена тотчас по прибытии Вашего сиятельства в центральный офис департамента в столице Вильдории по адресу: тупик Литейщиков, дом номер четыре, парадный подъезд, – в любое удобное Вам время».

Внизу змеилась замысловатая закорючка директора ДОК, заверенная большой и красивой печатью с красочной иллюзией знака департамента – щит, на котором секира, с короной на лезвии. У службы охраны правопорядка знаком являлись две скрепленные алебарды. Тайная служба знака не имела, а если и имела, то... тайный. Иначе что за тайная служба, агентов которой можно определить просто по магическому жетону-удостоверению. При необходимости они пользовались либо знаком ДОК, либо СОПП, а представлялись исключительно на словах. Но это исключительно на словах и при острой необходимости.

Значит ли это, что мой шантаж сработал, записи попали по назначению и ДОК прекратил преследование? Альмилира во сне говорила про интерес к княжеству со стороны Градорики. Стало быть, тихо ликвидировать угрозу в моем лице и подгрести под себя земли княжества короне не удалось,

и теперь она всеми силами будет делать вид, будто произошла досадная случайность, во всем виноват козел Козельс, а Его Величество озабочено исключительно моим благополучием. Но, может быть, все ровно наоборот, и меня ждет банальная ловушка. Даже если я не приду за наградой, то осторожность вполне могу потерять. Тут-то меня и – цап-царап. Думаю, лучше всего будет вести себя так, словно никакого письма не было, а охота за моей головой по-прежнему ведется с неослабевающей силой.

Мои мысли подтвердил и дедушка У, сообщив о том, что за домом ведется негласное наблюдение. Опыт клана в конспирации позволил ему быстро вычислить агентов, предупредить хранителей и домочадцев и продолжать делать вид, будто о слежке никто знать не знает, ведать не ведает.

Два дня я отдыхал, не выходя из дома, а на третий ранним утром в дом ввалилась галдящая толпа гоблинов со щетками, скребками, ведрами и тряпками. Они пооткрывали окна и двери, чтобы агентам ДОК не пришлось напрягаться, гадая, чем они там заняты, с песнями на гоблинском и шутками принялись наводить лоск как снаружи, так и внутри. Через час, закончив операцию, улыбаясь до ушей, кланясь и благодаря хозяев, также толпой вывалились на улицу и ушли.

То, что пришло их одиннадцать, а ушло двенадцать, мог бы заметить какой-нибудь добросовестный агент, но и тот вряд ли запомнил их лица. Это если наблюдал гоблин. Для прочих рас все они были на одно лицо.

А еще через час в сторону городка Новая Бахра, новой столицы княжества Бахрийского, выехала магарета, за рулем которой сидел щеголевато одетый гоблин-водитель, а на заднем сиденье вальяжно развалился пожилой ньор, одетый, несмотря на жаркую погоду, в черный костюм тонкой шерсти, белую крахмальную рубашку с кружевным воротом, застегнутую на все пуговицы, и высокую лаковую шляпу-цилиндр. Пышный не то бант, не то галстук – последний писк умирающей от ужаса моды, – заколотый булавкой с крупным брильянтом, черным клубком змей топорщился на груди. Собственно, и прочих финтифлюшек на господине надето было немало. Только простенькое медное колечко на пальце несколько портило общее впечатление богатства и роскоши. Но подобное чудачество было в порядке вещей, и никто не стал бы на это обращать внимания. Особенно на господина, способного спокойно потратить десяток-другой зарядов довольно емких и дорогих кристаллов на путешествие в магарете на дальнее расстояние. Путешествие в наемной карете, не говоря уж о дилижансе или, страшно представить, на паровике, обошлось бы раз в десять дешевле. Правда, по скорости все эти виды транспорта уступали магарете, но не так уж и много. Впрочем, этот аппарат, видимо, скоростной, индивидуальной сборки или экспериментальный, буквально летел по дороге со скоростью тридцать – тридцать пять километров в час и к вечеру обещал быть в конечной точке своего маршрута.

Путешествие прошло спокойно и даже скучно. Думать мне никто не запрещал, но лаборатории рядом не было, а производить вычисления только в уме – довольно напряженно и малопродуктивно. Ход у магареты хоть и мягкий благодаря рессорам и магической компенсации, но все же покачивание на неровностях дороги и притормаживания на поворотах, кроме непонятных каракулей, ничего иного черкать на бумаге категорически не позволяли.

В мой родной городок – столицу нынешнего княжества – мы въехали без всякой помпы, хотя местные мальчишки, не избалованные видом дорожной техники, считали своим долгом некоторое время сопровождать наш выезд, однако поспорить быстротой ног с магическим двигателем никак не могли. Неизменно побеждал двигатель, наглядно доказывая преимущество прогресса перед патриархальной мускульной силой.

К нашему дворцу, уменьшенной копии княжеской резиденции в прежней столице, двухэтажному зданию с колоннадой, внутренней стороной дуги обращенной к воротам, я подъезжал с нескрываемым волнением и даже рад был некоторой задержке перед фигурными кованными воротами, за которыми просматривался небольшой ухоженный парк, пересеченный множеством ровных дорожек, посыпанных свежим песком. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя.

– Что угодно ньюру? – поинтересовался здоровенный пожилой привратник, по виду отставной сержант пехоты.

– Я хотел бы встретиться с хозяевами данного имения. У меня есть сведения и предложения, которые наверняка заинтересуют их светлости. Мое имя барон Вардикор, – не захотел я раскрывать своего инкогнито, справедливо полагая, что мое родовое гнездо не оставят без внимания.

– Без доклада не велено пускать, – совершенно не впечатлился моим титулом привратник. – Извольте подождать.

По его сигналу к воротам подбежал парень, выслушал распоряжение и со всех ног понесся к дому. Привратник остался на месте и, казалось бы, лениво ждал, но я не сомневался в его готовности мгновенно перейти к действию в случае нужды.

Разрешение было получено, ворота мягко, без скрипа, распахнулись, и мы подъехали к крыльцу. Дверцу мне открыл старый дворецкий, который еще моего отца катал на плечах. Я чуть не ляпнул: «Здравствуй, Вис!» – но вовремя одумался и с достоинством вышел из магареты. Дворецкий пристально всмотрелся в мое лицо, и в его глазах что-то мелькнуло. А может, мне просто показалось? Во всяком случае, вид полнейшей невозмутимости и чопорного достоинства не изменился ни на йоту. Он слегка поклонился и предложил следовать за ним в дом.

Приняли меня в малой гостиной, интерьер которой не изменился с тех пор, как я в ней резвился. Не было только одной из парных напольных ваз. Еще бы! Момент, когда я с разбегу врезался в нее и разбил, запомнился на всю жизнь.

Главное, меня никто не ругал и не пытался вогнать мудрость в голову мальчишки через задницу, но глаза матери, полные слез и страшного беспокойства за меня, накрепко впечатались в память. Очень не хочется еще раз увидеть такой ее взгляд.

Мать вышла вместе с сестренкой и двумя телохранителями. Одобряю. Мало ли что за хлыщ приехал – осторожность отнюдь не помешает. Дворецкий тоже не стал выходить.

А какая же у меня матушка красавица! Женщина-аристократка, гордо стоящая передо мной, была совершенно не похожа на исхудавшую, бедно одетую прачку с темными кругами под глазами, задавленную тяжелой работой, болезнью и постоянной заботой о двух детях, которых надо чем-то кормить и во что-то одевать, а денег нет и не предвидится.

Сестренка и вовсе меня поразила. Во-первых, она выросла и стала на голову выше меня. Во-вторых, проказливый сорванец исчез, и вместо него появилась воспитанная барышня, готовая прямо сейчас на бал в королевский дворец. Подозреваю, что уже не один сынок соседей потерял сон и аппетит.

– Что вам угодно, ньор? – довольно холодно произнесла мать.

Не узнала. Странное чувство обиды охватило меня. Логика говорит – ты же приложил все усилия, чтобы тебя не узнала даже родная мать, вот и радуйся. Получилось! Но все равно, видимо, подспудно я был уверен, что мать узнает ме-

ня в любом обличье.

– Я бы хотел переговорить с вами наедине. Поверьте, речь идет о важных вещах.

– Говорите здесь. У меня нет секретов от моих телохранителей.

М-да. Задача. Сам хвалил за осторожность и сам пытаюсь нарушить рекомендации. Не раскрываться же. Даже намек и тот может вызвать бурную реакцию, которую практически невозможно будет скрыть от прислуги. А прислуга, как я испытывал на себе, имеет уши и глаза почище квалифицированного шпиона. При этом, в отличие от шпиона, еще и болтливый язык.

Мое затруднение неожиданно для меня разрешил дворецкий:

– Ньора, если вам угодно будет выслушать мое мнение, то я рекомендовал бы сделать так, как просит барон. В крайнем случае, я могу остаться и некоторое время побыть в качестве телохранителя.

Матушка внимательно посмотрела на по-прежнему невозмутимого Виса и подала знак телохранителям. Как только за ними закрылась дверь, она холодно потребовала объяснений:

– Что это значит, Вис? Неужели наш гость уже успел завоевать твоё расположение?

– Мама... – прервала сестренка намечающуюся бурю, – это же... Гаррад! Наш Гаррад!! Брат! Он наконец-то прие-

хал!

Взвизгнув, она стремительно бросилась мне на шею, как в прежние времена. Правда, сегодня повиснуть на мне у нее не получилось. Ох, и выросла же кобылица, как сказал бы наш садовник! Скорее получилось бы у меня, но вешаться на шею девушкам я все-таки не привык.

– Сынок?! – все еще не веря своим глазам, прошептала мать. – Радик!! Это же ты!

В общем, выпутаться из объятий и тщательно стереть следы слез мне удалось не скоро. Больше всего меня поразило поведение нашего старого дворецкого. Вис стоял все такой же чопорный и невозмутимый, а по щекам его катились крупные слезы, которые он и не думал вытирать.

– Я вас сразу узнал, молодой ньор. Мне сердце подсказало. Я ведь еще вашего дедушку помню шалопаем-мальчишкой. Ваша семья для меня столько сделала, а сколько потратили на мое омоложение. Лучших эмпатов-целителей приглашали. Да и вас, молодой ньор, я столько раз на плечах катал, что узнаю под любой личиной.

– Так ты поэтому удалил охранников, Вис? Ты сразу узнал Гаррада? А почему же не сказал? – спросила мать. Ее понять можно – радость встречи никак не способствовала аналитической работе разума.

– Разумеется, узнал сразу. Однако если ньору надо было представиться кем-то иным, то у него для этого наверняка имеются основания, и не мое дело решать за него, как лучше

предстать перед родными. А то что-то много крутится вокруг дома всяких странных персон. Если позволите, я пойду распоряжусь насчет обеда. Что мне сказать, если спросят? Многозначительно молчать – тоже не лучшая идея, еще напридумывают невесть что. Потом ни в чем убедить будет невозможно.

– Говори, что ньюр барон встречался с князем в столице и привез известия о нем. А еще скажи, что барон хочет купить некоторые семейные артефакты и за ценой не постоит, – проинструктировал я.

– Сынок, ты хочешь дать нам еще денег, но-о-о... мы же не потратили те, что ты давал нам раньше. И доход, хоть небольшой, но поступает регулярно...

– Я дам распоряжение банку перечислять на ваш счет пятнадцать процентов от моих доходов. Простите, я мог бы и больше, но надо копить на очистку наших земель...

– Я все понимаю, сынок. Поэтому считаю, что не стоит тебе перечислять нам какие-то деньги. Нам хватит.

– Нет, не хватит. Мелькире пора поступать в училище. Там сестренке надо будет где-то жить, и причем не в халупе, одеваться и питаться, как княгине, а не как бедной прачке. Разговор окончен. Я так решил!

– Ну весь в деда. Такой же упрямый, – вздохнула мать, и, мне показалось, с затаенной гордостью.

– Поэтому, Вис, говори всем то, что я сказал. Так и радость княгинь будет оправданна, и деньги в доме тоже.

Дворецкий поклонился, заверил, что все будет в лучшем виде, вышел, и мы остались одни. Естественно, мне не дали ни секунды передышки, потребовав рассказать все и первым делом для чего весь этот маскарад.

– Вот такие вот дела, – закончил я повествование, опустив некоторые подробности. Известие о том, что их сын и брат теперь довольно богат и продолжает наращивать благосостояние семьи, порадовало близких, однако невеста-эльфийка вызвала неоднозначную реакцию. Сестренка недоумевала: какого рожна братцу надо, когда красавица аристократка, дочь герцогини, очень и очень влиятельной фигуры, чуть ли не сама вешается ему на шею? Правда, с чисто женской последовательностью тут же заявила, что жениться мне надо на всех трех девушках. И пусть две из них вроде как замуж за меня не собираются, по мнению сестренки, никуда они от меня все равно не денутся.

А мать восприняла очень настороженно известие о помолвке с эльфийкой.

– Сынок, тебе следует знать, что доля эльфийской крови есть и в тебе. В роду не принято вспоминать об этом, но твой далекий предок взял замуж девушку эльфийку, дочь Великой матери Великого леса, расположенного на территории княжества. Там, где теперь битые земли. Однако, по его настоянию, обряд бракосочетания проводился не в храме Творца, а... в храме Силы. Были такие когда-то давно, пока постепенно власть над душами людей не перехватили

служители Творца. Согласно обряду, твоя далекая прапрабабка далее не могла жить по законам эльфов и стала номинально считаться человеком. Она с этим согласилась, но после смерти мужа дождалась, когда сын твердо встанет на ноги, и ушла в лес. С тех пор никто ее не видел. А вот пойдет ли твоя Альмирила на такое и будет ли иметь такую же силу обряд в храме Творца? Не могу сказать. Не знаю.

– Мама. Я тебе обещаю! Эльфийской свадьбы не будет! Я не уверен, что у нас может что-то получиться, даже если Альмирила согласится на обряд по человеческим законам. У нее властный и жесткий характер. Я тоже не подарок. Ты же знаешь.

– Да уж! Мне ли не знать. – Мать с сестренкой синхронно и даже как-то одинаково усмехнулись. – Мягкий и уступчивый мальчишка на самом деле способен переупрямить самого упертого осла... ладно-ладно. Не обижайся. Я шучу. Ты, сынок, настоящий князь. Это было видно чуть ли не с младенчества. В принципиальных вопросах всегда стоял насмерть. Я даже боялась, что у тебя не хватит гибкости и дипломатичности, которые так же нужны правителю, как храбрость и уверенность в себе. Но одним качеством ты, к счастью, обладаешь в полной мере. – Она широко улыбнулась. – Актерским мастерством! Надо же! Родная мать не узнала сына под личиной!

Дома я прожил два дня и на третий рано утром уехал обратно. Слишком уж тяжело и для меня, и для моих близких

было играть роль чужого человека, да и мысли крутились в голове, не давая толком спать. Надо было попробовать реализовать идею со связью, задействовать алхимическую лабораторию для копирования шаблонов моих разработок, надо было разбираться дальше с телепортацией – очень уж мне понравилась возможность ускользать из ловушек так, что никто понять не может, куда я делся. Потом надо бы все-таки сходить с охотниками Олевара своими глазами посмотреть, что творится на моих землях... и много чего еще.

Со связью вопрос решился на удивление быстро. А чего там особенного? Дунул-плюнул, и готово. Для меня – гениального мага всех времен и народов – это не задача, а так, мелочь. Структура-то известна давным-давно. Построить усилитель-передатчик в недрах лабиринта – и пробивай сигнал на дальность до...

На самом деле я восемь суток, не вылезая, забывая есть и спать, бился над задачей. Ох, недаром нам целый семестр вдаббливали такой совершенно «посторонний», абсолютно немагический курс, как психофизика. Оказывается, ее законы справедливы и для магических конструкций. Хотя, если подумать, магической энергией управляет именно живой разум. Следовательно, законы, которым подвластен он, являются и законами магии... А может, все ровно наоборот, и первична как раз магия, выстроившая сама себе управляющий центр в виде мозга живого существа? Но это все к философам.

Для меня важно то, что с магической связью ситуация складывалась, в точности как с человеческим ухом и источником звука. Чтобы ухо восприняло звук, как вдвое более громкий, источнику следует повесить мощность сигнала... в четыре раза. То же самое и с дальностью: чтобы повесить дальность вдвое, надо увеличить мощность в четыре раза, чтобы втрое – в девять... и так далее. Чтобы мне поговорить с кем-нибудь за сто пятьдесят километров, потребуются «всего лишь» сделать браслет, облепить его емкими накопителями и использовать всего-то на три минуты разговора, затем менять камни или долго заряжать встроенные. Когда я дошел до понимания этого момента, тогда тут же и понял – мои предшественники отнюдь не дураки, не видящие очевидного, а использование ретрансляторов – суровая необходимость, а не способ надуть щеки и выкачать с людей побольше денег за кратенькую беседу.

На шестой день злобного биения собственной бестолковой головой о стену и почти вызревшего убеждения, что я – никчемный тупица, Бруг и Хрыск, словно две няньки, трясущиеся над убогим дитём, предложили отвлечься, передохнуть и заняться чем-нибудь другим. Я и занялся. Порталами. А мысли, где-то глубоко в подсознании, все крутились и крутились вокруг проблемы связи... и докрутились.

В общем, не вдаваясь в детали, можно представить себе, что связь – это обмен сообщениями через очень и очень миниатюрный портал... х-м... прям-таки порталик или порта-

чок... нет, лучше – микропортал. Через что там переносится материя, энергия, магия и много чего еще, я так и не разобрался. К сожалению, и жрецы тоже не знали, открыв принцип перемещения фактически случайно. Два стеллажа храмовой библиотеки, до верха которых надо карабкаться по длинной лестнице, забиты книгами с самыми экзотическими теориями наподобие «Теории двойников из множественных сопряженных миров, имеющих смещенные друг относительно друга пространственные координаты». Или «Сверхтонкие нити магической вселенной, пронизывающие мир насквозь, движение вдоль коих происходит без затрат времени». Или совсем уж мозголомных «Принципов подобия коагуляционных структур над- и подпространственной матрицы многомерного континуума метамагической вселенной». На мой взгляд, поизгалялись маги. Оттянулись от души. Даже неинтересно, кого из авторов, в конце концов, признали самым умным.

Для меня главное, что все работает, а система создателя Звезды Магистра, Иохима, позволяет втиснуть все необходимое в сравнительно небольшой камень, который легко вставить в перстень и добавить небольшой накопитель. Зачем большой, когда речь идет о микропорталах, где не требуется обрамлять здоровенную арку контурами и подавать на них большой поток энергии для перетаскивания больших объемов вещества? Расчеты показывают: доля энергии для реализации самого контакта настолько незначительна,

что ею можно пренебречь. Единственная тонкость здесь заключается в том, что в отличие от обычных амулетов связи, в которых больше энергии тратит тот, кто связывается – в этом случае принимающий может слышать передающего даже при практически пустых накопителях, – в моих амулетах оба портала и в том, и в другом перстне будут тратить одинаковое количество магии.

Правда, от идеи с перстнем пришлось пока отказаться – не смог придумать, как хранить все номера для связи. Почему именно номера? Хранить образы тоже можно, но каким образом – вот именно! образом! – немаг сможет передать этот самый образ из своей головы в амулет? Да и маг тоже вынужден будет использовать дополнительный амулет, из коего извлекать все картинки подряд, пока не найдется подходящая. Короче говоря, мне пришла в голову мысль присобачить каждому владельцу моих переговорных амулетов цифровой номер. То есть, конечно же, не бегать с ведерком клея и лепить на спину людям цифры. И не заталкивать самих людей в ячейки с номерами в артефакт... Никакой клоунады и ужасов – просто свободному номеру присвоить точку привязки микропортала нового амулета и имя владельца. За этой мыслью потянулась другая – хранить список где-нибудь в одном месте. Там, где его можно спокойно пополнять и делать доступным сразу всем владельцам амулетов. То есть сознательно добавил дополнительное промежуточное звено. И совсем даже не с целью организовать подслушивание...

во всяком случае сегодня. Таким образом, один амулет связывался с другим через посредника, который, по расчетам, может держать множество открытых микропорталов, благо энергии в его распоряжении, благодаря храмовому концентратору, сколько угодно. Разобраться бы еще с динамическими порталами, не требующими заранее установленной привязки в точке прибытия. Но эта задача... эх-х-х... опять откладывается на потом.

Распознавание хозяина амулета связи сделал по принципу... амулета молнии. То есть по основным комплексным признакам ауры. При этом активировать связь и вызвать кого-либо на переговоры может только живой владелец и никто другой. Правда, его могут принудить к этому. «Нет в мире совершенства».

Так вот. Основная проблема заключалась не в суммарном объеме магем, а... в способе набора номера. Как на перстне набрать, например, номер тридцать три? Пришпандорить к камню круг с цифрами и вращать его, нажимая на камень, когда против специальной риски установится нужная цифра? Но чем больше движущихся частей, тем сложнее устройство и тем менее оно надежно. Поэтому основным я сделал амулет в виде маленькой плоской шкатулочки размером с дамскую пудреницу. И голову ломать не надо, влезет или не влезет все намеченное в один кристалл, – места будет достаточно. Можно даже еще каких-нибудь функций добавить. Но это потом. А пока все должно получаться достаточно про-

сто: открыл шкатулочку – активировал амулет. На нижней стороне потыкал в нарисованные цифры, приложил палец к надписи «Вызвать» (в этот момент как раз и проверяется аура владельца) и получил соединение. На верхней крышке вместо зеркала сделал небольшой экранчик, где проявляются цифры набранного номера и, в случае успешного соединения, изображение собеседника (или того, кто будет плясать в экран). Громкость звука вызова и разговора можно регулировать с помощью специальной пиктограммы.

Гордый собой до предела и вымотанный до изнеможения, я ввалился в дом ювелира, с трудом поднялся к себе в комнату, благо никто меня не видел – бабушки Сон и Лю не было, а Дин с дедушкой У были чем-то плотно заняты в мастерской, – и рухнул на постель.

Проснулся отдохнувшим и бодрым. Зато Лю, которая в момент моего пробуждения заканчивала водить над моим телом руками с накопителями между пальцами, выглядела как не совсем свежий покойник. Я даже поначалу испугался – круги под глазами на пол-лица, сгорбленные плечи и запредельная усталость во всей фигуре.

– Лю! Что с тобой?!

Девушка сначала закончила действия, дрожащими руками аккуратно положила накопители на стол и буквально рухнула мне на грудь, заливая ее слезами.

– Эй! Лю! Ты думаешь, такое орошение моей цыплячьей грудки сделает ее шире и мохнатее?! Или тебе нравятся

заросшие шерстью мужчины? – попытался я шуткой перекрыть мокрый поток. Не получилось.

– Ра-а! (хлюп) Разве можно так (хлюп)... себя (хлюп)... доводить (два раза хлюп)?! Ты же был на грани (хлюп)... нервного и физического истощения (хлюп)!

– Лю, прости! Зато знаешь, какая отличная штуковина у меня получилась! Теперь мы с тобой может переговариваться на любом расстоянии! Даже видеть друг друга на любом расстоянии!

– Правда?! А что ты сделал, Ра? – заинтересовалась Лю. Ей явно понравилась мысль не терять меня из виду. – И мы сможем говорить с тобой в любое время, когда захочется?

– Ну разумеется! Я сделал амулет связи!

– Ой, здорово!! А зачем ты делал? Можно же просто купить и не выматываться так.

– Лю-у-у! Ты меня не поняла. Я же говорил – на любом(!) расстоянии! Понимаешь?! И мой амулет свяжет тебя не только со мной, но и с дедушкой У и с бабушкой Сон... да со всеми, кто его получит. Давай я быстренько схожу в мастерскую, сделаю несколько штук и...

– Нет! Никуда ты не пойдешь! – Гоблинка проявила такую твердость, какую от доброй и мягкой девушки я просто не ожидал. – В мастерскую тебе можно будет только завтра, и не раньше. Даже не проси. Иначе позову дедушку, и он тебя уложит! Ты понял?

– А пое-е-е-есть? – жалобно протянул я, беззастенчиво

надавив на жалость. Как говорил один мудрец: «Путь к сердцу женщины лежит через желудок мужчины». То есть женщины любят и... питают тем, кто дает им возможность себя накормить. – Я так проголода-а-ался. Прямо умираю от голода.

– Я сейчас! Я быстро! У меня все готово! Ты только лежи. Я все принесу. – Лю ожидаемо метнулась к двери, а я остался ждать и надеяться на то, что в процессе моего кормления мне удастся добиться послабления режима.

Послабления добиться не удалось – в вопросах режима и исцеления Лю оказалась настоящим тираном. Единственная моя победа заключалась в том, что дедушка У обещал сделать к завтрашнему дню десяток заготовок по моему рисунку. А мне осталось только покорно возлечь на ложе и принимать заботу мелкой гоблинки. Что не сделаешь для девушки, чтобы доставить ей удовольствие.

На удивление, через пару часов мой трудовой порыв сменился дикой усталостью, и я заснул. Вероятно, бодрость и легкость в теле после пробуждения были вызваны подпиткой энергией, которую осуществила Лю, и являлись побочным эффектом укрепляющих манипуляций. Зато на следующий день я проснулся уже сам и чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы проигнорировать рекомендации Лю – рекомендации, а не требования, как вчера, – и отправиться в мастерскую.

Дедушка У с Дином на подхвате действительно сделал все,

что обещал, отодвинув повседневную работу. Причем сделал он поровну «мужских» и «женских» вариантов шкатулочек. «Женские» в отличие от «мужских» были поизящнее, более изукрашены блестящими камушками... да чего там рассказывать? Понятно же и так, чем наряд женщины отличается от строгого мужского костюма.

Первым делом я спустился в храм, где до обеда создавал центральный артефакт связи (ЦАС, или цаску). После обеда сделал сразу три штуки, пока простых и грубых, амулетов, предназначенных исключительно для ввода новых номеров и точек привязки микропорталов новых амулетов связи в центральный артефакт. Эти амулеты соединялись только с центральным артефактом и ничего, кроме передачи новых данных, не умели. И только на следующий день я смог внедрить в заготовки магеми связи, после чего привязал к себе первый попавшийся мужской амулет, затем под номером один ввел себя, любимого, в ЦАС, а потом и остальных. Полчаса мы развлекались, вызывая друг друга и проверяя, как работают амулеты. А работали они вполне надежно. Восто-о-о-оргов было... Однако осталась последняя проверка – на дальность. Я сообщил всем, что ненадолго уйду в Градорику и попробую оттуда связаться со всеми. Гоблины согласились и тут же – я еще даже из комнаты не вышел – застыли в нетерпеливом ожидании.

Я быстренько через храмовый портал перешел в столицу Градорики и побежал к выходу, не обратив внимания на то,

что промелькнуло где-то далеко, в конце коридора. Ловушки, настроенные еще при ремонте и установке на мою ауру, заранее блокировались на время, достаточное для моего прохода, поэтому я мигом достиг входа в подвал, поднялся наверх в комнату, выделенную мне в бывшем доме орка, активировал амулет и ткнул первую попавшуюся цифру:

– Как меня слышно?

– Ра-а-а-а! – услышал я радостный визг Лю так отчетливо, будто она была рядом со мной. – А когда ты все-таки пойдешь в Градорику?

– Я уже там!

– Ра-а-а-а-а! Ты – гений!! Все так здорово работает! А ну-ка дай я тебя вызову!

Я закрыл крышку, дезактивируя амулет, и он тут же зазвенел вызовом. Но это была не Лю. Ее опередил дедушка У, которому, как малому ребенку, тоже понравилась новая игрушка. Я поговорил и с ним, и с Дином, и с бабушкой Сон, и снова с Лю и уже собирался возвращаться, как вдруг...

Зов Альмилиры – не во сне, а наяву – ударил меня, словно пыльным мешком по голове. В нем не было привычной властности или робкого приглашения, только тоска и обреченность. Она словно прощалась со мной навсегда, ничего не требуя и ни в чем не упрекая. Причем я даже знал, где она в данный момент находится – недалеко от дома орка. Откуда знал и почему так ярко почувствовал эмоции девушки, разбираться не стал, коротко сказал Лю:

– С Альмилирой плохо. Иду ей на помощь. Будь готова на всякий случай...

– На какой случай? – не сразу поняла гоблинка.

– На всякий... прости, конец связи.

Я закрыл крышку амулета и выбежал на улицу Градорики.

Глава 5

Внутренний указатель направления показывал, что Альмирира быстро смещается от меня под углом куда-то налево (примерно на десять с половиной часов), поэтому мне приходится ее догонять. Судя по всему, какая-то смертельная опасность, с которой она не может справиться сама, гонит девушку по городу. И к стражникам за помощью она явно обратиться не может. Почему? Не мой вопрос. Главное, что девушка в беде, а невеста она мне или нет – решать будем потом. В голову с упорством голодного дятла долбила мысль: «Альмирира в беде... Альмирира в беде... Альмирира в беде...»

Через двадцать минут бега я потихоньку стал настигать беглянку. Скорость у нее была не очень велика, и я предположил, что ей приходится отбиваться от преследователей. Теперь бы самому не нарваться, но это уж как получится. По ходу дела я прикидывал, что и как. Ресурсы мои были, скажем прямо, не очень. В основном амулеты защиты и нападения, рассчитанные на малую, «гражданскую», дистанцию, и если у нападающих есть что-то более дальнобойное, например средние пехотные шарометы, предназначенные для стрельбы по целям на расстоянии до полукилометра, то мне придется туго. Да и малых, стандартных, помещающихся в поясной кобуре или кармане, мне хватит за глаза и за уши.

Мои молнии и паралитические сети рассчитаны не более чем на тридцать-сорок метров, а самый малый армейский шаромет бьет до ста. Вот и крутись. Конечно же, в столице Градорики, так же как в Вильдории, существует запрет на применение войскового вооружения в пределах города, но бандиты всех мастей чаще всего плюют на закон с высокой горы. Их ловят, казнят, отправляют на каторгу, но они все равно продолжали и продолжают делать свое черное дело. А как же иначе бедному разбойнику заработать на кусок хлеба с копченым окороком? На дорогие гражданские амулеты денег нет, а пробивать щиты жертв чем-то надо. А чем лучше всего прошибать упрощенные образцы щитов, распространенные у населения? Конечно же, боевым оружием. Чаще всего достаточно угрозы, и ограбляемый предпочтет отдать деньги и ценности, чем проверять надежность своих амулетов. Сколько таких самонадеянных находили. Пара выстрелов, щит пробит, карманы наизнанку, а грабителя уже и след простыл – ищи-свищи.

Повернув в тупик, я ощутил всей кожей, что цель близка, и надал. Но не тут-то было. Дорогу мне преградили люди (в смысле человеки) откровенно бандитской наружности. Двое выскочили передо мной, и старший среди них, высокий бородач в немного потрепанной, но крепкой и чистой одежде грузчика, с ухмылкой вдруг вежливо спросил на немного корявом вильдорском:

– Ньор Гаррад, если не ошибатся?

Будь я опытным агентом, наверняка бы не растерялся и ответил что-нибудь эдакое нейтральное. Например: «Простите, как вы сказали?» или «Нет, что вы, даже не тезка!» Но опытным агентом я не был и на мгновение растерялся. Этого для душегубов оказалось достаточно. Они неуловимо быстро выхватили из карманов шарометы (ну вот, я оказался прав) и тут же выстрелили. Не знаю, выдержал бы мой щит залп огнешарами почти в упор? Ждать и проверять я не стал – тело, затренированное по самое не могу дедушкой У, само кувырком ушло с линии атаки. В правой руке оказался амулет-молния, а в левой сменный кристалл-накопитель. Закончив перекат, я моментально ответил двумя выстрелами в бандитов и... попал. Хотя и не целился и не использовал самонаведение. Цели стояли рядышком на расстоянии метров шести, не более. Однако не успел я встать на ноги, а паленые и жженные тела бандитов рухнуть на мостовую, как мой динамический щит отразил два огнешара и почти совсем сдох. Пришлось, словно взбесившемуся с пьяных глаз зайцу, петляя, метнуться под крыльцо противоположного дома. К счастью, мое убежище оказалось каменным, а не деревянным, как многие другие. Очень кстати, поскольку на мраморные ступеньки моментально обрушился целый шквал огнешаров. Меня не задел ни один, однако по интенсивности обстрела стало понятно, что долго скрываться мне не удастся. Разбойники обстреливали крыльцо из средних шарометов, переводя регулятор на пробивающее действие, и

крыльцо, брызгая крошкой, словно подгрызаемое крысами со стальными зубами, стало постепенно разваливаться.

Надо пояснить, что все армейские шарометы имеют переключатели в положение от одного до пяти. Огнешар в результате формируется либо с одним, либо с несколькими (до пяти) слоями оболочки из уплотненной магической энергии. В положении «один» шаромет обладает наивысшей скорострельностью и мощностью взрывного заряда. Однако в этом случае огнешар не способен глубоко проникать сквозь препятствие. Таким практически невозможно достать противника, спрятавшегося за кустами – ветки быстро обдерут единственный защитный слой и шар взорвется, не долетев до цели, – зато в брызги разнесет грудную клетку или голову. Зато пятислойные способны пробить насквозь бревно и взорваться, только встретив следующее препятствие, но при этом, попав в незащищенного человека, проделают в нем аккуратную дырочку с прижженными краями и полетят дальше, а боец даже в строю после этого может остаться. Вот и вопрос, когда и какой уровень устанавливать. В войсках очень много внимания уделяется тактике применения шарометов, как раз в области правильной установки регулятора в тех или иных ситуациях.

Самое обидное, что мне даже ответить не удастся – выбраться под таким обстрелом, найти цели, которые вряд ли, увидев судьбу своих поделщиков, стоят открыто в полный рост посредине улицы, прицелиться и ударить. Куда там. Хо-

тя... у меня же не арбалет и не лук, пусть даже самый эльфийский. Я выставил из-под прикрытия амулет и, не целясь, выпустил все пять зарядов. Надеялся хоть немного утихомирить шквал огня, и это мне удалось. Кто-то даже вскрикнул... или мне показалось. Жаль, что не видно моих противников, но тут уж только высунься – никакой щит не спасет... хотя... мой амулет ведь и сам может зафиксировать ауру цели, тем более мне все равно, кого конкретно зацепит удар. А момент фиксации ауры я и сбоку увижу.

Выставив снова руку (противное ощущение – а вдруг упадут? Без руки мне как-то... хм... не с руки), я повел кистью с зажатым в ней амулетом из стороны в сторону. Есть! Магема самонаведения зафиксировала чью-то ауру. На секунду я засомневался: а вдруг это просто мирный прохожий, не успевший спрятаться? Впрочем, выхода у меня нет в любом случае: если я не буду огрызаться, меня сожрут. Выстрел – негромкий хлопок (это вам не полная мощность), один есть. Снова моя кисть, словно глаз насекомого на стебельке, шарит в направлении стрельбы. Новый захват цели – выстрел – хлопок...

– А-а-а-а... Грыму уби-ы-и-или-и-ы-ы-ы!! – чей-то подвывающий вопль ввинтился в уши.

Поморщившись, я снова выставил руку с амулетом в направлении голоса, и почти тут же зеленый индикатор известил о новом захвате цели. Выстрел – хлопок – вопль заткнулся, словно обрезало. Так же мгновенно прекратилась и

стрельба. Разбойники явно были в растерянности, а я, сменив кристалл-накопитель (последний, между прочим, – ну не рассчитывал я на маленькую войну и не прихватил заплечный мешок накопителей), выскочил из своего убежища и рванул зигзагами в сторону дома, где находилась Альмилира.

С кем девушка воюет, в данный момент мне было неинтересно. Сначала надо уйти от преследователей, а потом уже выяснять, что да как. Насчет безопасного места задумка у меня была. Разумеется, динамический, точнее полудинамический, портал с точкой привязки к столичному градориканскому храму. Но для того, чтобы мой план сработал, надо хотя бы взять девушку за руку, активировать портал (полсекунды) и сделать шаг. То есть, в общем-то, пустяк – вырваться из ловушки, добежать до Альмилиры и... М-да. Хотя бы просто вырваться из ловушки.

Стрельба по движущейся мишени (по мне то есть) тут же возобновилась, но... как-то вяло. Хотя интенсивность, учитывая потери нападавших, даже несколько возросла, но, похоже, бандиты стреляли не в меня, а в кого-то еще. Возможно, стража подросла, и теперь разбойникам есть с кем плотно подраться... не знаю. Не подглядывал. Драка – это ведь дело интимное.

Я почти добежал. Осталось повернуть направо в переулок, и вот он, искомый дом. Меня немного занесло на повороте... то есть я интуитивно отпрыгнул налево, и в то место, где я

должен был оказаться, врезался огнешар, вздыбив неслабый фонтан раскаленной пыли. Но это же телодвижение позволило мне оказаться слева от новой тройки разбойников – ну не могут такие рожи служить в страже, – мчавшихся мне навстречу. Дальше я действовал, словно бездушный голем мастера Хлоца, холодно, равнодушно и отстраненно, будто не со мной все это происходит. Выронив амулет с последним кристаллом – чувствовал, что он мне еще очень понадобится, – я в подкате сбил с ног крайнего слева сублильного и шустрого мелкого типа, затем взлетел в воздух и пробил рукой – «каменным копьем» в горло среднему, одновременно приземляясь на грудь мелкого, и тут же, не теряя темпа, врезал крайнему правому пяткой в пах и локтем в висок. Я не думал и не рассуждал – чистое это гю-юрю или просто шо-шау, а может, и самая банальная уличная драка. Мой учитель – дедушка У – всегда советовал не давить в бою творческую инициативу мастерства рамками канона.

Подхватив с земли свой амулет, метнулся вперед к цели. Больше препятствий на пути не было. Однако стоило мне почти подбежать к крыльцу нужного дома, как в дверном проеме распахнутой двери – скорее выбитой, чем аккуратно открытой – появилась тонкая длинноволосая фигурка в зеленом обтягивающем, так называемом охотничьем, эльфийском костюме. Голова фигурки была повязана темно-зеленой лентой с непонятным значком, вышитым на левом виске, а в руках... в своих хрупких руках она держала два сред-

них шаромета (по два с лишним килограмма каждый) и с явно видимым удовольствием направляла их на меня. Эльфийка (ну как без них?) даже не озаботилась защитой, настолько была уверена в том, что я не смогу укрыться или как-то иначе избежать ее огня. Стрельба по-гаспарски на короткой дистанции создавала такую плотность залпа, что сметала все щиты, вплоть до офицерских, предназначенных для высшего командного состава. К недостаткам подобной стрельбы следует отнести большое рассеивание и немалую тренированность, которой должен обладать стрелок. Управлять двумя стволами то же самое, что виртуозно драться двумя мечами. Одна ошибка и... сам себе голову отчекрыжишь. В данном случае отстрелишь себе ногу или руку.

У меня был только один шанс спастись – опередить противницу, и я его не упустил. Выстрел из амулета в кувырке вперед достиг своей цели, и обугленный труп некогда прекрасной девушки навзничь рухнул на ступеньки, теряя оружие. Она все-таки успела дать залп в моем направлении, и веер огнешаров прошипел над самой моей макушкой.

Перепрыгнув через убитую, я со всей дури влетел в начало длинного коридора. И только потом понял, насколько был неправ. К счастью, ошибка не стоила мне жизни, как могло быть – отразить атаку врукопашную я был готов, но совсем упустил из виду дальнобойное оружие. В узком коридоре мое тело представляло собой яркий образчик стандартной ростовой мишени на полигоне. Если бы кто-нибудь ме-

ня там поджидал, то все – пакуйте покойничка, заказывайте музыку и проводите обряд прощания с душой.

В общем, когда я влетел в полутемный коридор, новая противница только спускалась вниз по лестнице в конце коридора, да и то скорее рассчитывая уточнить у боевой подруги, кого она там подстрелила. Во всяком случае, готовность к бою у нее была не самого высшего уровня. Этим я опять нагло воспользовался.

В состоянии боевого транса происходит мгновенная оценка противника и принятие наиболее эффективного решения. По крайней мере, в этой ситуации мне не требовалось анализировать массу параметров. Достаточно было уяснить одно – одним разрядом армейский щит эльфийки не пробить, а на второй она может уже и не дать мне шанс.

Наведение, выстрел всей мощью амулета, кристалл-накопитель осыпается пылью, грохот взрыва. Деревянная лестница, потеряв часть пролета и перил, загорелась. Пока она не успела толком раскочегариться, я в диком прыжке на пределе сил перепрыгнул провал и оказался на площадке между первым и вторым этажом. Не задерживаясь, проскочил на второй этаж и в комнате напротив лестницы увидел завершающий этап драмы. Как раз в этот момент удар одной из трех эльфиек, теснивших Альмилиру, пробил защиту девушки, и моя потенциальная невеста, с размаху впечатавшись в стенку, в бессознательном состоянии сползла на пол. Одна из ее противниц, выхватив кинжал, подскочила к ней и замахну-

лась для удара.

Я был метрах в шести от места событий и совершенно не успевал. Больше накопителей у меня в запасе не было, разве что самый минимум для портала. Стрелять нечем. Тогда в отчаянии, вложив все, что у меня было, в удар аурой, я сформировал нечто вроде шарика на упругой ленточке. Детская игрушка – бросаешь шарик, держа кончик ленточки, он летит, растягивая ленточку, затем, достигнув определенной точки, под действием силы упругости ленточки возвращается в руку. Нечто подобное я проделал со своей аурой. Такое в том числе я тренировал, отдыхая у Олевара. Толкнуть предмет, притянуть предмет, захватить предмет... В данной ситуации все, чего я хотел добиться, это хоть слабеньким воздействием толкнуть голову девушки с ножом, в надежде на то, что она отвлечется, и я как-нибудь успею прорваться к Альмилире.

Мир застыл, словно в статичной иллюзии, и только сгусток, сформированный из моей ауры, оплетенный ограничительной сеткой магеми, подпитанной из накопителя, вмонтированного в перстень на пальце правой руки, стремительно и без видимого напряжения влетел в висок эльфийки с ножом. Пробил его и... «Хватит» – решило что-то во мне. Сгусток вылетел назад с выплеском, будто капля воды, упавшая в чашу терпения. Вместе с ним в стороны вылетели осколки костей черепа, кровь и мозговое вещество. Сгусток вернулся на место и тут же впитался в руку. Мир снова пришел в дви-

жение, а я почувствовал такую слабость, что едва устоял на ногах. Так хотелось плюнуть на все, рухнуть на прохладный пол и забыться в сладком сне, а там уж пусть злодеи делают, что хотят, но ответственность за девушку и острая обида на то, что я могу проиграть в самый последний момент, не позволили мне расслабиться. На остатках сил я бросился между оставшимися двумя ошеломленными эльфийками – иначе вряд ли они позволили бы мне так легко проскочить, – подхватил невесту, активировал портал и буквально упал в мутную пленку овала, где отображался коридор храма в точке привязки.

Кинжал эльфийки все-таки успел сделать свое черное дело, к счастью, не до конца. Мой удар заставил его отклониться немного в сторону, и он, хоть и вошел по самую рукоятку, но, похоже, сердце не задел. Я не стал его вынимать. Слышал, и не раз, причем не только от Лю, будто неспециалист может навредить, если начнет сам извлекать из раны кинжал или стрелу.

В голове мутилось от слабости, но предстояло сделать последнее усилие – перейти в храм Вильдории. Хорошо, что я догадался разрешить семье гоблинов посещать храм, в определенных пределах, конечно. Поэтому первым делом активировал амулет связи, вызвал Лю и попросил встретить около портала. Скрывать его существование от моей второй семьи я уже не видел смысла – без доверия хоть к кому-нибудь можно свои планы сразу хоронить под сводный оркестр

гвардейского полка.

Еще одно запредельное усилие – и мы с Альмилирой в храме Вильдории. Смутно помню встречающих, подхвативших из моих рук девушку. Вроде я еще просил известить герцогиню, в ответ на вопрос: «Кто вас так?» – пробормотал. «Эльфийки с зелеными повязками...» – и полностью отключился.

Наблюдатели от ДОК, который день впустую следившие за домом ювелира-гоблина, этим утром также не заметили ничего интересного. Подъехал длинный крытый фургон для перевозки мебели, движимый меланхоличным конем-тяжеловозом под чутким руководством старичка-гоблина, и остановился напротив дома. Из дверей выпорхнули молодые гоблины: девушка и паренек. Последний, совсем не Гаррад, а вовсе некий Дин – внучатый племянник старика. Всех домочадцев ювелира филеры давно знали в лицо, даже лучше, чем собственных жен и детей.

Вскоре улицу затопили обычные для гоблинов гвалт и суета. Повозку развернули и подогнали задом практически вплотную к дверям, после чего стали таскать туда и обратно различную мебель и вещи: стулья, столики, диванчики, свертки, ковры... в общем, ничего интересного. Все как всегда. Новую мебель разгружают, старую – загружают. Старую жмоты-торгаши гоблины или продадут, или, что маловероятно, выкинут на помойку. Суета продолжалась недол-

го. Грузчики попрыгали внутрь, и с ними молодая гоблинка – понятное дело, чтобы не «выпало» чего из старья по дороге, – тент задернули, и фургон не спеша задвинулся за угол, где и пропал с глаз наблюдателей.

В кабинете герцогини Варраики перезвон хрустальных колокольчиков амулета связи с секретарем оторвал грозную руководительницу тайной службы от очередных бумаг. Время до обеда считалось священным, и только нечто экстраординарное могло нарушить многолетний порядок.

– Что там?! – резко ответила эльфийка, недовольная тем, что ей помешали.

– Ваше сиятельство. Ребята снизу говорят, что какой-то орк прет, как носорог, настаивая на встрече с вами.

– Какой-то орк прет, а толпа сотрудников не может его обуздать?! И ради этого ты осмелился нарушить ход моих мыслей, – не скрывая раздражения, ответила эльфийка. – Его что, не могут проводить к первому попавшемуся дознавателю и выяснить какого... дуба он «прет, как носорог»? Ну-ка зайди.

– Дело в том, что-о-о-о... – замялся секретарь, входя в кабинет и аккуратно прикрывая за собой дверь, – почему-то не могут. Они смеются и говорят, что ваше сиятельство его хорошо знает, поэтому необходимо решение вашего сиятельства.

– Вот как? Хорошо знаю? Как его зовут они не сказали?

– Некто Трыг, ваше сиятельство.

– А-а-а-а, старина Трыг. Он все еще портит воздух в больнице при академии целительства?

– Не могу знать, ваше сиятельство!

– Конечно, не можешь. Тебе ведь не приходилось получать ранения в ходе боевых операций. Тогда бы ты знал Трыга. Когда-то он был славным бойцом и немало крови нам попортил. У него четыре жены, одни из лучших воинов племени шкуродеров, а это о многом говорит, – неожиданно даже для себя пустилась в воспоминания эльфийка. – В преклонных годах Трыг вместе с женами переселился в Вильдорию и стал работать, представляешь кем? Санитаром при академии целительства. Что-то ему там подправили. Сам профессор Лосоргор, между прочим. И он после выздоровления так и остался при больнице. На удивление, этот яростный воин оказался заботливой и, я бы сказала, нежной сиделкой. А уж предписания любого врачевателя воспринимает как прямое откровение Творца. Он будет часами ходить по пятам и добьется, чтобы ты прошел все процедуры, принял все зелья и лег в постельку... Наши ребята, да и доковские тоже, забыв о разногласиях, часто спорят, как долго продержатся новички против его занудства. Вот так-то. Вывод какой? А вывод такой – пока его не приму, он нашей службе работать не даст. Поэтому приглашай.

Секретарь выметнулся за дверь исполнять распоряжение, а с лица эльфийки медленно сползла улыбка, сменившись

беспокойством и тревогой. Санитар из больницы, настойчиво требующий принять, вряд ли ломится к ней по пустякам или ради какой-то личной проблемы.

Орк, войдя в кабинет, откашлялся, словно басистый дух из бочки, и беспокойно покосился на секретаря, который, несмотря на ее рассказ, не собирался оставлять свою начальницу одну против хоть и постаревшего, но явно до сих пор сильного воина.

– Профессор велел передать наедине, а там уж как ваша милость решит.

Герцогиня знаком отправила секретаря за дверь и вопросительно уставилась на орка.

– Кхы-гм. Так что, ваша милость, профессор просил сообщить, что ваша дочь тяжело ранена и в данный момент находится у нас в больнице. Профессор лично контролировал ход операции. Говорит, за ее жизнь он ручаться не может, но шансы очень неплохие...

Герцогиня на секунду замерла, затем с силой надавила на активатор связи с секретарем:

– Мой выезд! Срочно! Удвоенную охрану. Квилирелли ко мне. Встретимся у экипажа. Действуй!

Эльфийка, сохраняя мрачную сосредоточенность, достала из ящика несколько боевых амулетов, в основном работы древних мастеров, но прихватила также и амулет-молнию, который очень зауважала после полевых испытаний, затем вышла из-за стола и жестом пригласила орка следовать за

собой.

– Поедешь со мной. Расскажешь по дороге.

Ко входу уже подогнули личную магарету герцогини и две, попроще, охраны. С герцогиней сели ее неизменный помощник Квилирелли и Трыг.

Кортеж быстро добрался до здания академии. Варраика, не дожидаясь, когда ей откроют дверь магареты и даже когда та полностью остановится, выскочила из экипажа и, совсем уж неподобающе для герцогини, бегом припустила внутрь здания больницы.

– Профессор Лосоргор! Что с дочерью?!

– Врать не буду, Варраика... или все-таки ваше сиятельство...

– Ну, прости меня, дуру, за те слова, которыми я тебя крыла в прошлый залет в твои ласковые руки. Я была не права!

– А нарушать режим и полностью игнорировать мои предписания...

– Лосоргор! Сделаю все, что угодно, и признаю все, что хочешь, только не томи! Скажи, что с дочерью?!

– Ах, Варраика-Варраика. Все такая же нетерпеливая. Если бы не было с ней все более-менее благополучно, разве стал бы я тут болтать с тобой о пустяках, – профессор отбросил тон старого маразматика и деловито, словно докладывая начальству, проговорил: – У Альмилиры множественные гематомы, резаные раны и травмы. Есть несколько ожогов, характерных для ран, нанесенных боевыми шарометами. По-

хоже, защита сработала, но не до конца. Сотрясение мозга... однако, это все мелочи. Есть кое-что посерьезнее: перелом трех ребер, причем осколок одного из них едва не задел левое легкое, и – самое опасное – ножевое ранение. Клинок прошел буквально в сантиметре от сердца. Причем удар наносил настоящий профессионал. Уж я-то посмотрелся на вашего брата. Предполагаю, кто-то помешал убийце и слегка отклонил лезвие, а потом озаботился тем, чтобы очень вовремя доставить девушку ко мне. Еще пара часов – и никто не смог бы ей помочь.

– Кто этот спаситель?

– А вот это я сказать не могу. Ее доставили неизвестные прямо в приемный покой на наемной коляске. По виду – люди и... может быть, один из них орк. К сожалению, разглядеть в подробностях не удалось – темновато было, да и лица они будто ненароком скрывали... а если честно, то я был занят твоей дочерью, а не выяснением, кто да что. Уж извини. Однако обстоятельства мне показались весьма странными, и я решил тайно известить в первую очередь тебя, для чего и послал Трыга. Мало ли кто за дочкой твоей охотится?

– Благодарю тебя, Лосоргор. Ты все правильно сделал. Я твоя должница.

– Ну так, как всегда. Который уже раз. Не расплатишься, – усмехнулся старый эмпат-целитель.

– Ах, Лосоргор! Ты уже столько моих ребят, и меня, и девочку мою от смерти спас, что я и не знаю, как с тобой

расплатиться. А можно мне хоть одним глазком взглянуть на дочь?

– Что ж с тобой сделаешь? Ты же упрямее нашего Трыга. Смотри. Только разговаривать не пытайся – она пробудет в состоянии целительского сна еще семьдесят один час.

– Жаль. Нам очень важно знать, кто на нее напал.

– Понимаю. Напали раз, могут напасть и второй. У нас хорошая охрана, но-о-о-о...

– Не трудись, Лосоргор. Я привезла с собой отряд поддержки. Они лучшие и не пропустят никого.

– Ну вот и хорошо. Я потом представлю им санитарку, которая будет присматривать за девушкой, чтобы никто посторонний... впрочем, схема известная.

– Да. Известная. Мои ребята все сделают, как надо. Еще раз благодарю тебя за такую заботу.

– Пошли. Я сам тебя провожу.

– Скажи, а будет помнить Альмилира, что с ней произошло?

– Вопрос корректный, и ответ ты явно знаешь не хуже меня. Уже не раз такое случалось с твоими сотрудниками. Амнезия в подобных ситуациях – обычное явление. Так что, скорее всего, неделю, а то и две, она не будет помнить ничего. Потом память восстановится. Если не возникнут осложнения. Ну вот мы и пришли.

Герцогиня несколько минут простояла у кровати, глядя на дочь не как глава тайной службы, не как Великая мать Вели-

кого леса, а как самая обычная женщина, ребенок которой в данный момент борется за свою жизнь. Она со скорбью вглядывалась в исхудавшие, заострившиеся черты бледного до синевы лица с черными кругами под глазами. С болью разглядывала пропитанные мазями повязки на руках, лежащих поверх одеяла, и молчала. Не пыталась заговорить с девушкой, не закатывала истерики, не бросалась на грудь, заливая ее слезами.

Позволив себе пару минут слабости, герцогиня вышла из палаты и стала отдавать распоряжения Квилирелли. Большая часть сопровождавших ее охранников размещалась и обживалась поблизости, принимая под охрану важный объект. Подобное делалось уже не один раз, поэтому бойцы действовали четко и уверенно. Не так уж редко в палаты попадали персоны, как друзья, так и враги, которых некоторые граждане весьма высокого общественного положения мечтали видеть исключительно мертвыми... вопреки желанию короля.

Проснулся я хорошо отдохнувшим, бодрым и... нет, не веселым, но во всяком случае полным надежд на благополучный исход вчерашних походов. Собственно, меня не удивило то, что я проспал почти сутки, и то, что проснулся я в храме неподалеку от портала, однако на мягком матрасе и раздетый до подштанников. Чистая и выглаженная одежда лежала рядышком на низкой скамеечке, соседствуя с кув-

шинчиком клюквенного морса.

Затем были обычные и привычные утренние процедуры, разминка в зале вместе со всей семьей гоблинов, которых я уже окончательно стал воспринимать как свою настоящую семью, умывание, завтрак – в этот раз очень плотный – и по окончании серьезный разговор с дедушкой У о храмовых делах. Мы с ним решили снабдить амулетами связи наиболее нужных членов клана хранителей, в том числе и Олевара, затем я обещал заняться проблемой налаживания производства основных магем из тех, что не могли скопировать маги, и, наконец, распорядился собрать известных клану жрецов. Пора всерьез браться за восстановление храмов. Для этого в первую очередь, с моей точки зрения, необходимо восстановить работу порталов. Я попросил дедушку У никому обо мне пока не рассказывать, хотя бы для того, чтобы избежать лишних вопросов: «Чего это такой молодой стал вдруг Верховным жрецом, когда такие опытные и более заслуженные остались в стороне?» Ну и по некоторым другим соображениям.

– И еще, дедушка У. Большая просьба никому из хранителей не сообщать о существовании порталов. Как я смог убедиться, среди хранителей тоже попадают разные.

Старый ювелир встал и на полном серьезе поклонился мне.

– Я благодарю Верховного за доверие и со своей стороны обещаю: никто из моей семьи не предаст вас.

– Зачем такие торжественные слова? – Я даже немного смутился от подобного обращения. – Достаточно было просто сказать: «Да».

– Да.

– Что «да»? – теперь я не понял старика.

Ювелир усмехнулся и с долей ехидства повторил:

– Да! Если тебе так будет понятнее. А вообще, Ра, я очень рад, что наконец-то после стольких веков ожидания мне или хотя бы моим внукам, может быть, доведется увидеть возрождение храмов. Для этого я готов сделать все. Все, что в моих скромных силах. Не беспокойся. Все будет сделано в лучшем виде. Даже жрецов, прежде чем посвящать в тайны храма, мы проверим с помощью Лю. Гнилых не допустим. Вот только хорошо бы изготовить хоть небольшой запас амулетов для продажи.

– Этим я займусь в первую очередь. Потом мне надо будет сходить с отрядом охотников. Олевар обещал меня пристроить в ближайшую партию...

Дедушка У неожиданно прокашлялся, задумался и после некоторого колебания выдал:

– Знаешь, вчера вечером Олевар связался со мной. Это, конечно, не мое дело и, возможно, тайна храма, но наш хранитель уверен, что эльфы затевают что-то против тебя. Доказательств никаких. Так. Намеки. Но намеки очень прозрачные. Те бандиты, что напали на тебя... г-хм-м-м... в общем, напали именно на тебя, а не осуществляли прикрытия опера-

ции эльфиек. К сожалению, люди Олевара подошли с опозданием, однако никто не ожидал, что нападут такими силами... так вот, они сумели в последний момент отвлечь разбойников и даже до прибытия стражи захватить пленного. Тот показал, что незадолго до нападения к ним обратились с предложением работы две эльфийки. Кстати, обе с зелеными повязками на голове – это у эльфов знак смертника на задании. Так сказать: «Победа или смерть!» Эльфийки дали бандитам денег и снабдили оружием. Они сказали, что задача наемников – по сигналу двигаться за ними и ждать появления молодого парня. Дескать, парень маг, но ничего собой не представляет. Зовут Гаррад. Сами они его убить не могут, поэтому платят такие хорошие деньги за пустяковую работу людям.

– Почему же эльфийки сами не могли меня прикончить?

– Тут надо учитывать некоторые неписанные законы Градорики. Мне растолковал их Олевар. Люди стараются не влезать в дела эльфов, поскольку позиции градориканского Великого леса в правительстве Великого князя очень сильны, но и эльфы просто так не могут причинять вред людям. Каждый такой факт тщательно расследуется. Поэтому эльфийкам удобнее нанять людей для убийства человека, или орка, или даже гоблина, но со своими соплеменниками приходится разбираться без помощи людей.

– Да. Странная ситуация. Выходит, они знали или, во всяком случае, предполагали, что я брошусь на помощь невесте,

а про зов и чувство направления, которыми я руководствовался, знали лучше меня, что, впрочем, логично.

– Скажи, Ра, – после некоторого молчания, заговорил дедушка У, – а почему бы тебе не обратиться за помощью к герцогине, матери Альмилиры? Все-таки ее дочь – твоя невеста? – На этих словах я поморщился, но ювелир, словно не заметив, продолжил: – Ты ее спас от смерти, следовательно, можешь рассчитывать хотя бы на небольшую благодарность.

– Нет, дедушка У. К сожалению, такой вариант не пройдет – герцогиня не просто мать, но еще и руководитель тайной стражи. Поэтому она, в первую очередь, обязана предусмотреть все возможные варианты развития событий, в том числе и то, что это я сам ранил Альмилиру, а потом, возможно, испугавшись последствий, притащил ее в больницу. Даже если она расценивает вероятность подобного как минимальную, все равно на ее месте я бы постарался некоего Гаррада, то ли свидетеля, то ли главного подозреваемого, попридержать где-нибудь под рукой, откуда этот скользкий тип не смог бы выскользнуть до тех пор, пока в нем не отпадет надобность. А свобода для меня многое значит, дедушка У. Особенно теперь, когда процесс вот-вот сдвинется с мертвой точки и начнется возрождение храма. А вместе с ним и освобождение моей земли. Знаешь что? Дай-ка герцогине один из амулетов связи и сообщи ей мой номер. Поговорим на расстоянии.

– Ты все-таки готов немного приоткрыться? Уж не хочешь

ли и вправду стать мужем ее дочери?

Какое бы каменное выражение лица ни держал старый многомудрый ювелир, но аура предавала хозяина тела хуже продажного шпиона – дедушку У этот вопрос почему-то беспокоил не меньше, чем судьба храма.

– Нет, дедушка У! – твердо ответил я и по наитию добавил: – Теперь вопрос о моей женитьбе на Альмилире даже не рассматривается. Почему именно теперь? Да не знаю я почему! Просто утром я проснулся с четкой мыслью – Альмилира для меня самый близкий чело... э-э-э... друг. Но только друг. Может быть, любовница – врать не буду, всякое бывает. Но она никогда не сможет переломить себя и перестать командовать, а если переломит, то... а нужна ли мне в супруги сломленная жен... э-э-э-э... эльф. Точнее, эльфийка. Это же будет совсем другая личность. И не факт, что эта личность мне будет нравиться так же, как прежняя... В общем, я так решил – так и будет!

Я замолчал, окончательно запутавшись в словах, а дедушка У, тонко улыбнувшись, не стал требовать подробностей и пояснений. Покивал головой, спросил, что мне понадобится в храме, кроме еды, и сколько заготовок приготовить для амулетов, после чего ушел по своим делам, а я взялся за перо и в подробностях расписал сколько и каких ингредиентов мне потребуется на первое время. В основном мне предстояло хорошенько припомнить курс алхимии и, в частности, способы создания копий кристаллов по образцу.

Лю только тяжело вздохнула, узнав, что я опять собираюсь надолго похоронить себя в лабиринте, но ничего не сказала и, если я правильно понял, пошла готовить мои любимые пельменчики с тремя сортами мяса и зеленью.

Глава 6

– Все амулеты снял, пассажир? Все до единого?! – в восьмой или девятый раз спросил у меня предводитель нашего отряда, здоровенный мужик, обликом то ли недомерок-орк, то ли каланча-гном. Пропорции тела у него были чисто гномьи, кряжистые и квадратные, а рост и нижние клыки – точь-в-точь орочьи. – И еще раз напоминаю, клятва на древнем артефакте, конечно, не позволит тебе рассказывать о том, что увидишь в походе, враз убьет, но и сам не тужься ее преодолеть. Уяснил?

– Да уяснил я, уяснил... – с некоторым раздражением ответил я.

– Уяснил он! – фыркнул, в свою очередь, предводитель. – Надо, чтобы не просто «уяснил», но и крепко вбил в свою башку как святой наказ. Только мы знаем, сколько таких «понятливых» осталось в проклятых джунглях. Им говоришь-говоришь, а они злятся, бесятся. Как же, они – самые умные! Чего там слушать темного варвара из простолюдинов? Что он может сказать умного? Не знаю, кто ты, да и не моего ума дело. Для нас ты пассажир, а не член отряда. Однако Олевар за тебя поручился и, случись что, спрос будет с него и его семьи. Все очень серьезно. Без хиханьки-хаханьки. Уясни главное, что нам он не хозяин, а мы не холопы. Мы с ним только сотрудничаем. Нам так выгоднее. Но и уле-

теть, аки птицам вольным, нам никто помешать не сможет. Уяснил? – в который раз повторил он.

– Уяснил, – мрачно пообещал я.

Вообще слово «уяснил» было любимым у предводителя. Он его произносил часто и с удовольствием. Учителем бы ему... начальных классов. Однако, как только представил могучую фигуру у доски, нависающую над мелкими ребятишками и ревущую грозным голосом: «А-а-азззз!! Бу-у-у-уки! Ве-е-еди!» – так на смешки пробивает... вот как сейчас. Бедные дети!

– Что рже-о-ошь? Я что-то не так сказал?! А не оставить ли тебя здесь, паря? Ты и так нам, как телеге пятое колесо. Уяснил?

– Да это я так, о своем вспомнилось, – поспешил я отвести от себя грозу. – Случай из школы вспомнился. Извините.

– Мальчишка, – вздохнул командир и повернулся к отряду: – Через пятнадцать минут выходим на маршрут. Точка встречи с... – он с подозрением покосился на меня и продолжил, – сами знаете, с кем, не поменялась. Нас уже ждут.

Одиннадцать охотников за древностями, составлявшие наш отряд, завозились, в последний раз проверяя снаряжение, и стали потихоньку с ворчанием надевать плащи. Причем самые обычные. Без внедренных магом водоотталкивания. Водонепроницаемые, «дышащие» плащи, конечно, штука дорогая, но не так чтобы очень. Многие зажиточные крестьяне вполне могут себе позволить держать в хозяйстве

парочку. Кстати, плащи без магем сказали мне о серьезности требований предводителя об оставлении всех амулетов больше, чем все его голословные угрозы. Мокнуть под осенним дождем, вместо того чтобы прикрыться недорогой магией, может заставить людей только острая необходимость. Я со вздохом снял последний амулет – медное колечко, которое было у меня на пальце долгие годы, и положил в сумку, остающуюся здесь, на базе, до нашего возвращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.